

И. Д. БУРАЕВ

САРТУЛЬСКИЙ ГОВОР

Носители сартульского говора населяют Джидинский район Бурятской АССР, граничащий на западе и на северо-западе с Закаменским районом, а на востоке и на северо-востоке с Кяхтинским и Селенгинским районами Бурятской АССР. На юге на протяжении более 150 км этот район граничит с Монгольской Народной Республикой.

Этот интересный уголок республики является одним из самых малоизученных участков как в лингвистическом, так в этнографическом и фольклорном отношении. По языку имеется небольшая статья С. Ш. Чагдурова «Заметки о сартульском говоре»¹ и некоторые отрывочные сведения в обзорных работах по бурятской диалектологии Г. Д. Санжеева² и Д. А. Алексева³.

Специальное экспедиционное исследование этого говора с охватом всех населенных пунктов указанного аймака проводилось впервые отделом языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института.

В Джиде и Торее диалектологические экспедиции побывали трижды: летом 1957, 1958 и 1959 годов. Первый год в составе отряда экспедиции работали Е. Цыденов, Ш. Мансорунов, Г.-Б. Токтохоев; второй год — Д. Будаева, Т. Болдонова, Ц.-Е. Гармаев, Г.-Б. Токтохоев; третий год — Ц.-Е. Гармаев, Т. Уладаева, Л. Савельева⁴. Отряды работали под руководством И. Д. Бураева. Задача этих экспедиций заключалась в сборе лингвистических сведений по лексике, фонетике и грамматике сартульского говора.

Лингвист-диалектолог в своей работе вынужденно соприкасается с другими дисциплинами: с историей носителей исследуемого говора, с их этнографией, фольклором и т. д. Он, собирая текстовый материал, записывает рассказы с самым различным содержанием. В первую очередь записываются тексты на обиходно-бытовые темы, затем — материалы о происхождении названий местности, история их возникновения, а также фольклорный материал: сказки, рассказы, песни, пословицы и поговорки.

Для выяснения ряда вопросов, касающихся особенностей того или иного говора, в частности, для выявления границ распространения говора или для установления некоторых отклонений внутри его, необходимо изучение родоплеменной структуры носителей этого говора. Участниками диалектологической экспедиции 1958 г., рабставшими в

¹См.: «Зап. НИИК». Вып. XI, Улан-Удэ, 1951.

²См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 45.

³См.: Д. А. Алексева. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ», 1949, № 98, стр. 161—202.

⁴Ссылки на материалы вышеуказанных собирателей с указанием года экспедиции и страницы записи в дальнейшем даются сокращенно, напр.: Гарм., 59, стр. 2.

Джидинском и Торейском аймаках, произведена запись о родовых делениях бурят названных аймаков.

Основное население Джиды и Торей — носители сартульского (сакяющего) говора — считают себя бурятами, перекочевавшими из Монголии в начале XVIII века. В преданиях повествуется о том, что они прибыли на занимаемую ими ныне территорию из окрестностей Лунной горы (Сарата уула). Свое племенное название «сартул» они связывают с названием этой горы. Между тем в исторической литературе говорится, что название *сартул* — *сартагул* происходит от слова *сарт* (бурхарец, хорезмиец) и *гур* (государство, народ)¹. Слово *сартагур* в монгольском языке в результате диссимилиации фонемы *р* дало *сартагул*. Согласный *р*, диссимилируясь, заменяется согласным *л*, если в составе основы уже имеется *р*. Расплюбление подобного типа, очень распространенное в монгольских языках, чаще касается звука *р* в составе аффиксов. Например, в бурятском языке аффиксы *-ра*, *-рха*, *-уур*, *-уури*, *-уурга* дают *-ла*, *-лха*, *-уул*, *-уули*, *-уулга*, когда в основе слова имеется согласный *р*. Например: *улаара* (краснеть) — *эрээлэ* (пестреть). *сэсэрхэ* (умничать) — *дээрэлхэ* (заноситься), *хадуур* (серп) — *харуул* (сторож), *агнуури* (охота) — *нургуули* (школа), *хабишурга* (тиски) — *барюулга* (вручение) и т. д.

Предположение о том, что сартулы — бывшие аборигены Средней Азии (Хорезма), основано не только на их племенном названии, но и на некоторых этнографических данных, в частности на том, что сартулы в отличие от всех других монгольских племен не употребляют крови в пищу.

Сотрудники нашей экспедиции узнали, что сартулы в основной своей массе не едят крови и сейчас. Наши попытки выяснить причины этого не увенчались успехом. Кроме легендарных данных, прямых ответов на это мы не нашли. Легенда об этом очень краткая, суть ее заключается в следующем. Однажды, это было где-то в окрестностях Хангая², один человек зашел в одну юрту (семью), он приехал верхом на лошади, которую оставил у юрты. Хозяин «дома» угостил гостя кровью. Пока он угощался, его лошадь ушла. Ему пришлось потратить на поиски своей лошади очень много времени и сил. И когда он, наконец, разыскал свою лошадь, то дал клятву «никогда больше не употреблять кровь». И с тех пор сартулы никогда не употребляют кровь в качестве пищи.

Сартулы также совершенно не употребляют свинину, как-то брезгают ею. Как известно, раньше монголы, как и буряты, тоже не употребляли свинину, но они не знали такого строгого запрета. Сейчас буряты охотно употребляют свинину, которой кое-где даже отдают предпочтение перед бараниной, кониной и говядиной. А что касается сартулов, то брезгливое отношение к свинине у них сохранилось до настоящего времени. На вопрос: почему они не едят свинину, как правило, отвечают: «Не ели и не едим».

В пользу предположения о среднеазиатском происхождении сартулов говорят также некоторые антропологические данные. По внешнему облику вполне можно отличить сартулов от других бурят: у них узкие лица, с довольно правильным красивым носом, в основной своей массе они заметно смуглее других бурят. Более подробные и интересные сведения в этом отношении может дать антропологическое исследование бурят, произведенное в 1956—1957 гг. Институтом этнографии АН СССР

¹См.: Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М., 1955, стр. 188.

²Почти во всех легендах и рассказах сартулов действия связываются с названием гор Хангай и Алтай.

под руководством проф. Г. Ф. Дебеца. Непосредственно исследованием антропологии бурят занималась И. М. Золотарева. Она побывала почти во всех улусах Джиды и Торея, провела массу измерений. В предварительном отчете И. М. Золотарева пишет, что «...буряты не представляют единства по своему антропологическому типу»¹. По комплексу признаков они объединяются в определенные группы, которые условно названы: Закаменской, Джидинской (курсив мой. — И. Б.), Кударинской, Хоринской, Селенгинской, Байкало-Кударинской, Баргузинской². Таким образом, сартулы составляют самостоятельную группу, условно названную Джидинской.

Никаких следов о прошлом сартулов не сохранилось в их языке. Наши поиски в этой области, особенно в лексике их говора, не увенчались успехом. Язык сартулов полностью ассимилировался с монгольскими языками. Говор сартулов имеет общие черты как с современным монгольским, так и с современным бурятским языком.

Некоторые данные дают нам названия родов. В основном названия родов совпадают с монгольскими, например, табангуты, тайшиуты, атаганы, хатиганы, цонголы, урянхи, сальджуты и т. д. Среди этого перечня встречаются род *кулемен* (*хулмээн* — по-бурятски). Нынешние представители рода кулемен утверждают, что их род немонгольского (и небурятского) происхождения, что кулемены туркменского происхождения. Если кулемены на самом деле являются туркменами, то есть основание действительно говорить о среднеазиатском происхождении нынешних наших сартулов.

Судя по родовому составу, бурятское население Джидинского аймака далеко не все сартульского происхождения. Например, в селе Цагатуй обитают следующие роды: атаган, сартул, арбатан, табангут, цонгол, хурмаш; первый представитель последнего рода, по преданию, пришел из-за Байкала. В селе Верхний Ичетуй обитают роды: сартул, урянхай, атаган, сальджут, хатиган, табангут, цонгол, в Нижнем Ичетуе: галзут, урянхай, цонгол, сэджин, арбатан, керит, атаган, удаган, алагуи. Так же и по другим населенным пунктам. К перечисленным названиям прибавляются в общем по всему району названия тайшиут, кулемен, батад, тосгот. По сведениям, сообщенным Д. Р. Галсановым (1884 года рождения; бывший колхоз им. Кирова), роды галзут, батад и тосгот являются последующими разветвлениями широко распространенного рода табангутов.

Таким образом, на территории Джидинского аймака живут не только представители сартульского рода, но и других, преимущественно монгольских, родов. Однако, все они, исключая поздних пришельцев, называют себя общим названием *сартулы*. Вероятно потому, что сартульский род численно являлся по сравнению с другими самым многочисленным, так как при изучении состава родов по отдельным населенным пунктам рассматриваемых аймаков выясняется, что род сартул встречается почти в каждом селе. А что касается других родов, то они с не меньшей частотностью встречаются в Селенгинском, Кяхтинском и бывшем Кударинском аймаках Бурятской АССР (см. экспедиционные материалы Э. Раднаева). Поэтому, когда говорим о сартулах Джидинской долины, то имеем в виду всех коренных бурят названного района.

¹ См. в статьях И. М. Золотаревой: «Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья» («Зап. БМ НИИК», вып. XXIV, 1957). «Антропологическое изучение бурят» (Сб. «К 35-летию ин-та культуры». Улан-Удэ, 1958).

² См.: И. М. Золотарева. Антропологическое изучение бурят. Сб. «К 35-летию ин-та культуры». Улан-Удэ, 1958, стр. 103.

Наши предварительные наблюдения этнографического характера показали, что у сартулов нет каких-либо заметных межродовых различий. Межродовых различий не обнаружено и в их говоре. Поэтому говор всех абсригенов Джиды мы называем сартульским.

Языковые материалы показывают, что сартульский говор не имеет внутри себя отклонений «подговорного» характера. Замечены только незначительные отклонения в произнесении *к* и *х*, редуцированных непервослоговых гласных и т. д., но они носят индивидуальный характер. Население пограничных пунктов—Улегчина на западе и Дырестуя на востоке—является смешанным, соответственно и говор их является переходным. В Улегчине частично *накают*, что связано с влиянием говора Закаменских бурят, в Дырестуе несколько *окают*, но у нас пока нет конкретных данных для категорического утверждения о влиянии цонгольского говора.

Предания и легенды говорят о том, что сартулы по прибытии из Монголии расселились по долинам девяти маленьких рек, впадающих в Джиду. Названия рек совпадают с названиями населенных пунктов, расположенных у этих рек: Хадхалдоч, Алцак, Торей, Бургултай, Нарин, Гэгэтуй, Цагатуй, Ичетуй, Боргой. Эти населенные пункты существуют и сейчас. И действительно, коренные сартулы проживают именно в этих пунктах. Наиболее компактным и сохранившим свой быт является население сел Бургултай в бывшем Торейском аймаке, Ичетуй в Джидинском аймаке.

Сартулы расселены по долинам речек, впадающих в Джиду, только села Оёр и Гэдэн находятся на берегу самой Джиды. Русские деревни, наоборот, расположены, главным образом, поблизости к Джиде. Характерно, что названия русских деревень почти все бурятского происхождения. Причем некоторые названия состоят из таких слов, которые в сартульском говоре отсутствуют. Например, большое русское село, расположенное в двух километрах от районного центра бывшего Торейского района называется Шартекей, что по-бурятски означает *шара тэхэ* (рыжий козел). В сартульском говоре *козел* называется не *тэхэ*, а *бабана*. *Тэхэ* в смысле «козел» употребляется в других говорах бурятского языка. То же самое надо сказать о названии села Елотуй.

Названия русских деревень суть следующие: Харацай — *харацай* (черный чай), Нарин — *нарин* (тонкий), Армак — *армаг* (местность, по северной стороне которой растут деревья), Хулдат — *хула дааган* (двухгодовалый савраска), Шартекей — *шара тэхэ* (рыжий козел), Торей — *тоэро* (кружить), Тахой — *тохоэ* (излучина, изгиб реки), Желтура — *зэлтэр?*, Боян — *баян* (богатый), Енхор — *ёнхор* (низина).

О происхождении названий населенных пунктов, соответственно и речушек, где в настоящее время проживают сартулы, существуют легенды различных вариантов. В селе Бургултай бывшего Торейского аймака у Баинова Гармы Лубсановича (ему около 60 лет) записан один рассказ, где повествуется следующее: один знаменитый батор охотился за драгоценной желтой (эрдэнэ шара) лисой. Гонясь за ней, он прошел по всем сартульским долинам, начиная с долины Хадхалдоч, расположенной в трех километрах от большого русского села Армак, почти у западной границы Джидинского района. По рассказу, сартульские реки и села получили названия в зависимости от событий и явлений, которые встречались на пути этого батора, гонявшегося за драгоценной лисицей.

Название Хадхалдоч связано с глаголом *хадха-* (колоть); в легенде говорится, что здесь произошла резня (хадхалдаан).

Следующая местность — Алцак. Это название связывают со словом

алаха (убить). Говорят, что здесь произошло убийство и якобы поэтому местность названа Алцаком. Рассказывается, что в Алцаке тот батор потерял лису и в поисках ее сделал большой круг, поэтому, дескать, название местности Тори (Торей) произошло от глагола *тойро-* (кружиться, обходить), ср. *тойруу зэм* (дальний, кружный путь).

Название Бургултай, как объясняют, происходит от сартульского слова *бурган* (буран), *бургаха* (снегопад с ветром). Когда батор проходил по этому месту, был сильный буран. Однако некоторые сказители дают другое толкование названию села (реки) Бургалтай. В частности, Данзан Жамсанович Цыденов (55 лет, с. Н. Бургултай) утверждает, что Бургултай происходит от сочетания слов *боро* (серый) и *гал* (огонь).

Названия долин Нарин (западный и восточный) происходят от слова *нарин* (тонкий, узкий). Как повествуется в легенде, реки, имеющиеся в этих долинах, показались батору слишком маленькими (вернее, «тонкими», т. е. узкими).

Когда батор подъехал к долине Гэгэтуй, только забрезжила утренняя заря, то есть *гэгээтээ*. Когда батор проезжал следующую долину — Цагатуй, было уже светло (*цагаан* — лит. *сагаан* — белый, светлый).

Название долины Ичетуй, согласно легенде, происходит от сартульского слова *үчөөрхэ/үшөөрхэ*, обозначающего время, приближающееся к полудню. Название Боргой, по-бурятски Борьо, связывают со словом *боро* (серый) и говорят, что когда батор проезжал здесь, стало уже темно (ср. *боро хараан* — сумерки).

В рассказе Г. Байнова говорится о девяти названиях рек и населенных пунктов. Другие сказители добавляют еще название села Инзагатуй, объясняя его происхождение тем, что батор, проезжая эту местность, якобы встретил множество диких козлят (*инзаган* — дикий козленок).

Легенда кончается тем, что этот батор достиг лису и убил ее где-то в Аге. Концовка легенды по-бурятски звучит так: Онон очодж онобо, Ага очодж алаба. «У Она она попал, в Аге убил».

Нам представляется, что приведенная легенда небезынтересна как один из образцов народной этимологии.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Исследование звукового строя сартульского говора раскрывает весьма любопытные факты. На первый взгляд создается впечатление, что фонетика данного говора представляет не что иное как фонетику монгольского языка. Однако при более близком и тщательном изучении выявляется, что монгольские фонетические особенности остаются в языке нынешних сартулов Джиды как субстратное явление, а тесный контакт сартулов с бурятами, продолжающийся более чем 200 лет, оставляет серьезный след в языке.

Согласные

Всего в сартульском говоре бурятского языка 28 согласных фонем. Все они, в зависимости от их акустико-физиологических особенностей, а также характера употребления в языке, подразделяются на определенные группы.

1. Все согласные фонем сартульского говора делятся на сильные, слабые и сверхслабые. Основанием для этого деления служит степень напряженности артикулирующего органа. При артикуляции сильных согласных, куда относятся следующие 10 фонем: *п, п', т, т', с, ш, ц,*

ч, х, |х', произносительные органы напрягаются значительно сильнее, чем при артикуляции слабых или сонантных. Причем сильные согласные сартульского говора отличаются от соответствующих сильных согласных литературного бурятского языка еще большей силой. Это обуславливает то, что сартульские смычные сильные *n, n', m, m'* являются всюду придыхательными, чего нельзя сказать относительно соответствующих фонем литературного языка, а щелевые имеют более усиленный шум.

К слабым согласным в сартульском говоре относятся следующие 8 фонем: *б, б', д, д', дз, дж, г, г'*.

К сверхслабым относятся: *м, м', н, н', й, л, л', р, р', нг*.

Как видно из перечисленных звуков, почти все сильные согласные от соответствующих своих слабых компонентов отличаются действительно только одним признаком силы. Например: фонема *n* и *б*, если иметь в виду глухой *б*, который имеет, кстати, более частое употребление, чем звонкий, то все признаки, кроме силы и слабости, совпадают. Также и другие: *n' — б', m — д, m' — д', ц — дз, ч — дж*.

Сонантные в этом отношении стоят несколько особняком. С одной стороны, они произносятся, как правило, звонко; с другой — согласные *м, м', н, н', нг* являются плюс ко всему носовыми; в-третьих, к согласным *л, л', р, р'* прибавляются еще признаки боковинности, вибрантности. Тем не менее в общей системе согласных сонантные являются более слабыми по степени напряженности произносительных органов и составляют третью ступень.

2. В системе сартульских согласных имеет место также противопоставление *твердых* и *мягких* согласных. Здесь основанием деления является дополнительная работа средней части языка. Если при произнесении согласных дополнительно к работе основного активного органа имеет место еще подъем средней части спинки языка, то согласный палатализуется, т. е. является мягким; если нет такого подъема, то согласный — непалатализованный, т. е. твердый. По этому признаку почти все согласные составляют определенные пары: *n — n', б — б', m — m', д — д', м — м', н — н', л — л', р — р', х — х', г — г'*; без пар к твердым относятся: *с, ш, ц, дз, нг*, к мягким — *дж(дьж), й, ч*. Фонема *ш* здесь отнесена к твердым, хотя это не совсем верно, но в данном состоянии она не может быть отнесена и к мягким. Звук *ш* и сейчас произносится с некоторым смягчением, но не мягко, а исторически *ш* противопоставлялся как мягкая пара к твердому *с*, и соответственно *дж* к *дз*, *ч* к *ц*.

3. Основанием деления согласных на губные, передне-среднеязычные и заднеязычно-увулярные является участие активных органов соответственно названиям. Впервые в монголистике для определения фонемного состава согласных по активным органам В. М. Надеяев ввел термины: 1) «первая артикуляция» — для губных; 2) «вторая артикуляция» — для переднеязычных и среднеязычных и 3) «третья артикуляция» — для заднеязычных и увулярных¹.

Деление согласных на три группы по участию активных органов проходит по всем монгольским языкам, кроме современного бурятского литературного языка, где наличие фарингального *h* нарушает эту систему. Поэтому для бурятского языка целесообразно выделить еще четвертую фарингальную артикуляцию. Поскольку в сартульском говоре нет этого *h*, то деление на три артикуляции целиком проходит по системе сартульских согласных.

Деление именно на три артикуляции с выделением самостоятельно

¹См.: В. М. Надеяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ». 1957, № 8, стр. 129.

переднеязычных и среднеязычных, заднеязычных и увулярных объясняется тем, что в монгольских языках, в частности в исследуемом сартульском говоре, могут быть оттенками одной фонемы переднеязычные и среднеязычные согласные, а также заднеязычные и увулярные согласные.

В сартульском говоре к фонемам первой артикуляции относятся: *n, n', б, б', м, м'*; ко второй артикуляции *т, т', с, ш, ц, ч, д, д', дз, дж, н, н', й, л, л', р, р'*; к третьей — *х, х', г, г', нг*.

4. Деление согласных на носовые и неносовые (ротовые) основано на дополнительной работе мягкого нёба. Если при произнесении согласных мягкое нёбо опускается вниз и преграждает проход воздуха через ротовой канал, то воздух проходит через носовую полость, образуя, таким образом, носовые согласные. В сартульском говоре к носовым согласным фонемам относятся: *м, м', н, н', нг*, все остальные относятся к неносовым, т. е. ротовым.

Описание согласных фонем

Фонема *n*. Звук *n* образуется сильной смычкой нижней губы с верхней. Он часто сопровождается придыханием, но аспирация фонемы *n* в сартульском говоре является факультативной. Однако если в литературном бурятском языке *n* в основном представляет собой чистый звук без дополнительного придыхания, то в сартульском говоре он произносится в большинстве случаев с придыханием. А в современном монгольском языке звук *n* произносится всегда с придыханием¹. Как и в литературном бурятском языке, фонема *n* в сартульском говоре имеет весьма ограниченное употребление. Встречается в начале слов, главным образом, в так называемых изобразительных словах типа *пампагар* (пушистый), *порчогонох* (хрюкать); в звукоподражаниях — *нос, нас, нус* и т. п.

Некоторые исследователи монгольских языков не считали звук *n* самостоятельной фонемой, основываясь при этом на безразличном употреблении *n* и *б* в бурятском языке в словах типа *пешэн/безшэн* (печь)². Такие утверждения не имеют достаточного основания, так как они основаны на единичных случаях безразличного употребления этих звуков, тогда как большинство слов не допускает такого употребления *n* и *б*. В сартульском говоре наблюдается очень четкое произнесение звука *n*, поэтому здесь тем более не может быть речи о безразличном употреблении *n* и *б*. В пользу самостоятельности фонемы *n* говорят также те факты, что заимствованные из русского языка слова, такие как *почто, пароход, паровоз* и т. д. произносятся с четким *n*.

Фонема *n'*. Фонема *n'* артикулируется сильной смычкой губ, но в отличие от твердого *n* при значительном дополнительном подъеме средней части языка. Аналогично твердому *n* произнесение мягкого *n'* часто сопровождается придыханием. Употребление *n'* в сартульском говоре весьма ограниченное, встречается этот звук, как правило, в начале слова: *п'эшиэн* (пешэн) — печь, *п'ас* (пяс) — звукоподражательное слово. Надо отметить, что в сартульских (да и вообще в бурятских) словах мягкий *n'* так же, как и твердый *n*, употребляется в основном в образных и звукоподражательных словах, а обычные слова с мягким *n'*, как правило, являются заимствованными.

Фонема *т*. Фонема *т* артикулируется так же, как и аналогич-

¹См.: В. М. Наделяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ». 1957, № 8, стр. 129.

²См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, П., 1913—1914 гг., стр. XIV.

ная фонема литературного бурятского языка, смычной преградой, образованной между кончиком языка и верхними передними зубами, или альвеолами.

В бурятском языке фонема *t* произносится в основном без дополнительной аспирации. В сартульском говоре, как и в монгольском языке, произносится в основном с придыханием.

Сильный придыхательный *t* в сартульском говоре употребляется в начале слов: *тагалцаг* (тапочки домашние), *тунтэгэр*//*тунтугур* (выпуклый — о лбе), *тоэрцог* (ермолка). Имеется аналогичный глухой звук, встречающийся в исходе слогов, но он является слабым и более близок к звуку *d*; носителями языка последний не различается от фонемы *d*, и, таким образом, они являются глухим и звонким вариантами одной фонемы.

Ф о н е м а *t'*. Фонема *t'* в сартульском говоре, в отличие от других бурятских говоров, употребляется очень редко. В словах типа *тиимэ*, *тиихэ* и т. п. употребляется твердый *t*; говорят, как правило, *тымэ*, *тыхэ*. Как и твердый *t*, мягкий *t'* является придыхательным. В отличие от хоринского *t'*, сартульский *t'* произносится при большем подъеме средней части спинки языка, артикуляционно приближаясь к аффрикату *ч*, но не совпадая с ним. В описываемом говоре *t'* и *ч* различаются, являются разными фонемами. Мягкий *t'* употребляется в начале слов: *талт'и* (кожемялка), *бот'и* (том).

Ф о н е м а *c*. Звук *c* произносится так же, как и соответствующие звуки бурятского и монгольского литературных языков, т. е. узкой щелевой преградой, образованной сближением передней части спинки языка с передней частью твердого нёба.

Однако позиционное употребление звука *c* в сартульском говоре и в накающих говорах бурятского языка различается. В описываемом говоре отсутствует весьма распространённый в бурятских накающих говорах фарингальный звук *h*, которому в сартульском соответствует звук *c*. В этом отношении сартульский говор совпадает с монгольским языком.

Фонема *c* употребляется чаще всего в начале слогов, изредка в конце слога в середине слова: *самар* (орех), *уса* (вода), *цаса* (снег), *эсхэхэ*//*эсгэхэ* (кроить). В монгольском языке в словах типа *ус* (вода), *цас* (снег) конечный редуцированный гласный не произносится. А в сартульском говоре, они, как правило, сохраняются, и поэтому в абсолютном исходе слова звук *c* почти не употребляется; лишь в редких случаях, особенно в языке старшего поколения носителей говора, встречается произнесение *c* в абсолютном исходе слова типа *шэнэс* (лиственница), *андас* (соха, плуг).

Ф о н е м а *ш*. В сартульском говоре фонема *ш* является менее распространенным звуком, чем аналогичный звук в бурятском литературном языке. Позиционное употребление *ш* в сартульском говоре совпадает с монгольским языком. В них имеет большое распространение аффриката *ч*, которой в бурятском языке соответствует тот же звук *ш*.

Там, где в старомонгольском языке были $\overset{v}{s}$ и $\overset{v}{si}$, в сартульском говоре сохранился *ш*, а там, где было $\overset{v}{si}$ произносится *ч*.

Фонема *ш* — звук щелевой двухфокусный; одна щель образуется между задней спинкой языка и твердым нёбом, а передняя щель — между передней частью языка и альвеолами. Примеры: *шүнэ*//*шуну* (ночь), *шогуулах* (ехать тихой рысью), *шэнэс* (лиственница), *шара* (вол), *шэгшүүр* (сито).

Ф о н е м а *ц*. Артикуляция фонемы *ц* начинается с переднеязычного смычного *t* и кончается переднеязычным щелевым *c*. Для аффри-

кат вообще, в частности для *ц*, характерно то, что ее оба элемента произносятся не расчлененно, не отдельно друг от друга, а без отрыва, т. е. переход от одного элемента к другому не заметен, он не ощущается говорящими.

Фонема *ц* — сильная глухая аффриката, встречается в основном в начале слогов: *цам* (ламское представление), *хуца* (баран), *эцэхэ* (уставать), *дзубцаа* (халат).

Фонема *ч*. Первый элемент аффрикаты *ч* (т'ш) представляет собой сильно палатализованный *т'*, который в основном произносится как среднеязычный смычный. А второй элемент — двухфокусный *ш* со вторым средним фокусом. Таким образом, описываемый звук произносится на слух впечатление сильно смягченного согласного. Аналогичного звука нет в литературном бурятском языке, но он имеется в монгольском языке. Употребляется в словах, где в старописьменном монгольском языке имело место *сi*, а там, где было *ši*, употребляется в современном языке обыкновенный *ш*. В литературном бурятском языке во всех случаях употребляется звук *ш*. Фонема *ч* употребляется в начале слогов и в исходе слова: *сэтцүү* (чесуча), *чулуу* (камень), *чарга* (сани), *чацаргана* (облепиха), *чимээ* (шорох), *хараач* (увидел ли ты), *чүлөө* (до-суг), в монг. *чөлөө*.

Фонема *х*. Характерное для монгольских языков изменение активного органа при произнесении согласных заднего образования *х*, *г*, *нг* распространяется также на произношение аналогичных звуков сартульского говора. Фонема *х* в словах мягкого ряда образуется сближением задней части языка с нѳбом, а в словах твердого ряда, наоборот, мягкое нѳбо с язычком, сближаясь с задней частью языка, вибрирует и образует своеобразный дрожащий звук. *Х* является весьма распространенным в сартульском говоре звуком. При сборе лексического материала по говору сартулов, например, из 500 слов приблизительно 70—80 слов оказываются с начальным *х*. Фонема *х* употребляется только в начальной позиции слога: *хадзаха* (укусить), *хүдзүү* (шея), *хурца* (острый), *хуса* (береза), *хүхөө* (кукушка), *хүүхэн* (девочка), *хүмэдхэ* (брови), *хүршэ* (сосед), *хумаса* (ногти) и т. д.

Фонема *х'*. Мягкий *х'* бывает только заднеязычным. От заднеязычного оттенка твердого *х* эта фонема (*х'*) отличается мягкостью, т. е. дополнительным подъемом средней части языка. Она употребляется также только в начале слогов: *х'шихэ* (делать), *цах'юур* (кремень), *цо-х'илто* (удар) и т. п.

Звук *к*. Описывая звуки сартульского говора, следует особо остановиться на звуке *к*, потому что он может стать самостоятельной фонемой скорее всего в данном говоре. Встречается ряд слов, где *х* и *г*, встречающиеся в начале слогов в середине слова, произносятся сильно, как звук *к*, например, *дэбэскэр* // *дэбэсхэр* (матрац, подстилка). *эшкы* // *эшгы* (войлок) и др. И это, в свою очередь, обуславливает более частое, чем в литературном бурятском языке, произношение *к* в заимствованных из русского языка словах.

Фонема *б*. В зависимости от позиционных и комбинаторных условий фонема *б* может быть и звонким, и глухим, и смычным, и щелевым. Артикулируется *б* преградой, образованной нижними и верхними губами. Звонкий вариант *б* употребляется в начале слова, в середине слова между гласными или в сочетании со звонкими согласными; причем между гласными и после *р* фонема *б* является щелевым: *эбэр* (рога), *бабана* (козел), *баабаз* (отец). Глухой вариант *б* употребляется в исходе слога внутри слова перед глухими согласными. В литературном бурятском языке глухой *б* очень часто употребляется в исходе слова в качестве

показателя личной частицы при спряжении глаголов: *ошсoб* (я пошел), *epэб* (я пришел) и т. д. В сартульском говоре в аналогичных позициях глухой вариант *б* употребляется несколько реже, потому что личное спряжение глаголов допускается не всегда.

Фонема б'. Мягкая фонема *б'* в отличие от твердой фонемы *б* артикулируется при дополнительном подъеме средней части спинки языка. В положении между гласными или после *р* бывает щелевым, а в других положениях смычным. Причем употребляется *б'* исключительно в начальной позиции слога: *б'ичиг* (письмо), *аб'аан* (звук), *аб'ираха* (лезть).

Фонема д. Фонема *д* артикулируется одинаково с *т*, но при значительно более слабом мускульном напряжении языка. Аналогично слабой фонеме *б*, описанной выше, фонема *д* имеет звонкие и глухие оттенки, но не может быть щелевой в отличие от *б*. Кроме того, фонема *д* имеет долгие оттенки в словах типа: *мэддэг//мэдэдэг* (знающий). Сартульский *д* ничем не отличается в акустико-физиологическом отношении от халхаского *д*.

Фонема д'. Мягкая фонема *д'* в сартульском говоре встречается очень редко. Если в литературном бурятском языке в словах типа *д'ишлэхэ*, *эд'ээлэхэ* и т. п. употребляется мягкий *д'*, то в сартульском говоре в этих словах *д* произносится твердо как *дылэхэ*, *эдээлэхэ* и т. д. Литературное сочетание *ги*, например, в словах *ангир*, *мангир* и т. п. в сартульском говоре так же, как и в некоторых других бурятских говорах, произносится как *ди*, т. е. как мягкий *д'* и краткий *и* (в сартульском говоре такое произношение особенно последовательно).

Как и твердая фонема *д*, мягкий *д'* может быть в зависимости от позиционных и комбинаторных условий звонким и глухим; изредка встречается долгий оттенок в сочетаниях типа *баэхабэд'д'э*.

Фонема дз. Произнесение *дз* аналогично артикуляции *ц*. Разница лишь в том, что первый произносится при значительно слабом мускульном напряжении артикулирующих органов и с участием голоса, а второй, т. е. фонема *ц*, при сильном напряжении и без голоса. Фонема *дз* соответствует литературному *з*; влияние бурятского литературного языка на сартульский говор очень заметно: в частности, касается и произношения *дз* и *з*. Многие носители описываемого говора, главным образом молодежь, начинают произносить вместо *дз* переднеязычный щелевой слабый звонкий звук *з*. Это за последние годы начинает принимать довольно массовый характер. Можно встретить произношения: *дзам//зам* (путь), *адзарга//азарга* (жеребец), *хадзаар//хазаар* (узда), *эдзэн//эзэн* (хозяин) и т. п.

Фонема дж. Фонема *дж* (*д'ж*) артикулируется аналогично фонеме *ч* (*ч'*); отличается лишь тем, что произносится при ослабленном напряжении артикулирующих органов и с участием голоса, т. е. звонко. Так же, как и *ч*, на слух *дж* производит впечатление мягкого согласного. И не случайно при записи слов с *дж* сотрудники экспедиции всегда отмечали этот звук знаками *дьж*. Имеет место замена *дж* звуком *ж*, но она наблюдается значительно реже, чем замена *дз* звуком *з*. Фонема *дж* употребляется в начале слогов, например, *дунджэ* (четырёхгодовалая — о корове), *джаргал* (радость).

Фонема г. При сочетании с гласными мягкого и твердого рядов фонема *г* проявляется аналогично фонеме *х* в заднеязычных и увулярных оттенках. Как говорилось выше, фонема *х* имеет только щелевые глухие оттенки, а фонема *г* в зависимости от различных позиционно-комбинаторных условий может быть смычным — *гүүр* (мост) и щелевым — *үгэ* (слово), звонким — *гар* (рука) и глухим — *даг* (грязь). В ин-

тервокальном положении бывает звонким, щелевым, а в других позициях — смычным, причем в абсолютном исходе слова и в конце слога в середине слова перед глухими согласными является глухим, в начале слогов или в исходе слога в середине слова перед звонкими согласными — звонким. Конечный глухой *г* ни в коем случае не нужно смешивать с глухим сильным *к*, они строго противопоставляются по силе и слабости. При произношении бурятских слов бурятами или бурятами, родным языком которых является русский язык, самый явный акцент падает на неразличение заднеязычных и увулярных *х* и *г*. Как правило, фонема *г* в словах *гар* и *гэр* произносится одинаково, т. е. по-русски, как заднеязычный *г*, что правильно для второго слова, но неправильно для первого слова. В связи с этим искажается и произнесение гласного *а*, который с заднеязычным *г* звучит несколько выше, чем с *г* увулярным. И этот комплекс незначительных на первый взгляд искажений дает, в конечном счете, очень заметный акцент. Бурятское слово *хабар* у человека, родным языком которого не является бурятский, произносится с заднеязычным *х*.

Правильная постановка вопросов обучения бурятской орфоэпии в этом аспекте имеет очень большое значение. И не случайно некоторые наши молодые актеры из драматического театра допускают такие ошибки в произношении, сами того не замечая. Поэтому при обучении бурятскому языку в школе, а также при обучении риторическому искусству следует особо остановиться на этих основных вопросах орфоэпии. Между тем этот важный участок обучения всегда оставался втуне.

Ф о н е м а *г'*. Мягкий *г'* — заднеязычный смычный звук. Встречается только в начале слога и значительно реже, чем твердый *г*.

Ф о н е м а *м*. Фонема *м* произносится смыканием губ при опущенной нёбной занавеске. Опускание нёбной занавески закрывает выход воздушной струи через ротовую полость и обуславливает одноканальный выход воздушной струи через носовую полость. Эта фонема употребляется в любой позиции слова.

Ф о н е м а *м'*. Фонема *м'* произносится аналогично твердой фонеме *м*, но при дополнительном подъеме средней части спинки языка к твердому нёбу. Как и в литературном бурятском языке, в сартульском говоре фонема *м* употребляется только в начале слогов, однако несколько реже, так как в словах типа лит. *мяхан* — *м'ахан* (мясо) в сартульском говоре *м* произносится твердо и слово звучит как *маха*.

Ф о н е м а *н*. Фонема *н* — переднеязычный смычный носовой звук, как все носовые согласные, произносится при одновременном опускании нёбной занавески. Звук *н* относится к группе сонантных и артикулируется при еще меньшем напряжении произносительных органов, чем даже слабые согласные. Употребляется в основном в начале слога, редко в исходе слога внутри слова перед переднеязычными согласными.

Ф о н е м а *н'*. От твердого *н* мягкий *н'* отличается тем, что произносится при дополнительном подъеме средней части спинки языка. Употребляется *н'* в начале слога или в абсолютном исходе слова.

Ф о н е м а *й*. Звук *й* является среднеязычным, образуется щелевой преградой, образованной между средней частью спинки языка и твердым нёбом. В сартульском говоре, как и в литературном языке, употребляется только в начале слога независимо от того, в середине он или в начале слов. Среднеязычный *й* — звук довольно распространенный, встречается во всех монгольских языках и диалектах; всюду акустико-артикуляционные данные его в общем одинаковые. Примеры: *ёсо* — *йосо* (обычай), *ёхобэ* — *йонхобэ* (название цветка), *оёдол* — *ойодол* (шитье), *баяр* — *байар* (радость), *үе* — *үйэ* (сустав, звено).

Фонема л. Звук *л* образуется боковой щелью: кончик языка упирается в верхние резцы, а задняя часть языка немного поднимается вверх. В современном монгольском языке самостоятельной фонемой является глухой *л*, который в существующей орфографии обозначается сочетанием *лх*. Наши поиски аналогичного звука у сартулов Джида и Торея во время экспедиций успехом не увенчались. Видимо, в данном случае бурятское влияние взяло верх. Наряду с кратким *л* в сартульском говоре встречается долгий оттенок в словах типа *даллаха*. Фонема *л* употребляется в любой позиции, но в абсолютном начале слова встречается очень редко: *тармул* (грабли), *тасалга* (комната), *хулганoo* (мышь), *хулэг* (шахматная доска), *лата* (латанизированное письмо).

Фонема л'. В отличие от твердого *л* мягкая фонема *л'* произносится при дополнительном подъеме средней части спинки языка. Боковая щель при этом образуется по бокам задней спинки языка. Фонема *л'* употребляется в начале непервых слогов, в исходе слога в середине слова: *тол'и* (зеркало), *ул'яс* (осина), *хол'ихо* (мешать), *эл'бэхэ* (гладить). Редко, преимущественно в заимствованных словах встречается и в начале слова: *л'иис* (лист), *л'имбэ* (флейта).

Фонема р. При произнесении *р* кончик языка, соприкасаясь или образуя узкую щель с альвеолами, колеблется, образуя своеобразный дрожащий звук. Перед глухими согласными в середине слова *р* артикулируется глухо, а перед гласными и звонкими согласными — звонко. Такое своеобразное проявление одних и тех же фонем характерно для монгольских языков, где отсутствует фонематическое деление на глухие и звонкие, а существует фонематическое деление на сильные, слабые и сонантные. Фонема *р* в собственно сартульских, как и вообще в бурятских словах, не встречается в абсолютном начале слова, а употребляется довольно часто в середине в любой комбинации и в исходе слова. Примеры: *хуруу* (палец), *тургэн* (быстрый), *хабар* (весна), *цэрэг* (войско).

Фонема р'. Мягкий *р'* так же, как и твердый *р*, не встречается в начале слов. Однако, в отличие от твердого *р*, он не бывает глухим. Встречается в начале непервых слогов и в исходе слога в середине слова перед звонкими согласными: *тонгор'иг* (перочинный нож), *хар'и* (чужой), *сар'даг* (гора, покрытая снегом).

Фонема нг. Так же, как *х* и *г*, фонема *нг* проявляется в заднеязычных и увулярных оттенках. В отличие от *х* и *г* произносится она при опущенной нёбной занавеске, т. е. фонема *нг* является носовым сонантом. Употребляется *нг* только в конце слогов: преимущественно в исходе слов, а в середине слов только перед *г* и *х*.

Гласные

Всего в сартульском говоре 18 гласных фонем. Все они в зависимости от своих качественных и количественных характеристик подразделяются на различные группы.

1. Все гласные фонемы подразделяются на три ряда: а) твердый — *а, аа, о, оо, у, уу, аэ, оэ, уи, уи;* б) мягкий — *э, ээ, ү, үү, өө, үи;* в) нейтральный — *и, ии.*

Основанием для такого деления служит исторически сложившаяся сочетаемость определенных звуков в одном слове, поддерживаемая качеством самих гласных звуков. Твердые — это более открытые и задние, а мягкие, наоборот, являются более закрытыми и передними.

2. Деление гласных фонем на широкие (*а, аа, о, оо, э, ээ, өө, аэ, оэ, уа*) и узкие (*у, уу, ү, үү, и, ии, уи, үи*) основано на различии в степени

подъема языка при образовании гласных звуков. Здесь не играет никакой роли заднерядность или переднерядность гласных. Гласные высоко-го подъема относятся к узким, а гласные невысокого подъема — к широким. И это деление для гласных сартульского говора, равно как и для гласных других монгольских языков, имеет существенное значение для определения фонем.

3. В зависимости от характера артикуляции все гласные фонемы подразделяются на монофтонги (*a, aa, o, oo, э, ээ, у, уу, ү, үү, өө, и, ии*) и дифтонги (*аз, оэ, уи, үи, уа*). Монофтонги образуются при простом однородном укладе органов речи, а дифтонги — при сложном разнородном укладе органов речи, когда на протяжении звучания одного гласного один уклад органов речи сменяется другим.

4. Монофтонги, в свою очередь, делятся на краткие (*a, o, э, и, у, ү*) и длинные (*aa, oo, ээ, ии, уу, үү*). Здесь основанием деления является длительность или, как обычно принято в общей фонетике, количественная характеристика. Длительность — понятие относительное. Краткость или долгота гласных определяются только относительно друг друга. Нет какой-либо определенной грани, которая могла бы устанавливать, что такая-то долгота или, точнее, столько-то сигм — характеристика кратких гласных, а столько-то — характеристика долгих гласных.

В сартульском говоре наличествуют сильно редуцированные гласные в исходных слогах, которые часто исчезают совсем. Но это не играет существенной роли в различении фонемного состава вокализма говора.

5. Для характеристики фонемного состава гласных существенное значение имеет работа губ. Лабиализованные (*o, oo, у, уу, ү, үү, өө*) и нелабиализованные (*a, aa, э, ээ, и, ии*) гласные сартульского говора, как и других монгольских языков, составляют самостоятельные фонематические группы. При артикуляции нелабиализованных гласных губы не принимают участия, а при лабиализованных — губы играют существенную роль, являясь передней границей резонатора.

Описание гласных фонем

Фонемы *a* и *aa*. При произнесении краткого и долгого *a* тело языка максимально опускается вниз на дно полости рта, передняя его часть упирается в нижние резцы. Различные оттенки кратких и долгих *a* отличаются друг от друга незначительными продвижениями языка по горизонтали и по вертикали.

В непервых слогах сартульский краткий *a* подвергается очень сильной редукции вплоть до полного исчезновения в абсолютном исходе. Однако, если в современном монгольском языке наблюдается полная редукция конечных кратких гласных, то в сартульском говоре исчезновение кратких гласных в конце слова происходит не всегда. Вообще в бурятском языке нет полной редукции этого звука в исходе. Например, монгольский *цас*, сартульский *цаса*, бурятский *саһан* (снег); монгольский *арас*, сартульский *арас/арасо*, бурятский *араһан* (кожа); монгольский *яв*, сартульский *ява*, бурятский *яба* (идти).

Фонемы *у* и *уу*. При образовании этих звуков играют существенную роль губы, которые составляют переднюю границу резонатора; тело языка отходит глубоко назад, задняя часть языка поднимается вверх и назад. По сравнению с русским *у*, в монгольских языках он является значительно более открытым. В. М. Наделяев обозначает эти фонемы как закрытые *ö* и *o:*. Позиционная употребляемость фонем *у* и *уу* в сартульском говоре совпадает с литературным бурятским языком.

Фонемы *o* и *oo*. Они относятся к гласным заднего ряда, при артикуляции их так же, как при *у*, тело языка отходит назад, а задняя

спинка его поднимается к задней части мягкого нёба. В отличие от *у* и *уу* фонемы *о* и *оо* являются более открытыми — отверстие между губами более широкое.

Долгий *оо* в сартульском говоре очень часто употребляется в исходе слова там, где в литературном бурятском языке ожидается долгий *аа*, иначе говоря, встречаются произношения типа *тудоо* (попал) вм. *тудаа*.

Аналогично краткому *а*, краткий *о* в непервых слогах, особенно в абсолютном исходе, подвергается сильной редукции, даже вплоть до полного исчезновения в определенных позициях: *холтос* (древесная кора), *хολих//хολихо* (смешивать) и т. д.

Фонемы *э* и *ээ*. При артикуляции их язык находится в переднем положении, касаясь своей передней частью нижних резцов. В отличие от заднерядных гласных поднимаются вверх передняя и средняя части спинки языка к переднему твердому нёбу.

В непервых слогах краткий *э* аналогично кратким *а* и *о* подвергается редукции: *эр//эрэ* (мужчина), *эцэх//эцэхэ* (уствовать).

Фонемы *ү* и *үү*. Эти фонемы произносятся при следующем положении языка: тело языка собрано в середине полости рта с тенденцией подъема средней части спинки языка к середине нёба. Относятся они к гласным так называемого центрального ряда. Фонемы *ү* и *үү* относятся к гласным самого высокого подъема в ряду центральных гласных.

Фонема *өө*. Этот звук относится также к гласным центрального ряда, но в отличие от *ү* он более открытый. При артикуляции его язык лежит в середине полости рта с тенденцией подъема вверх к границе твердого и мягкого нёба.

Краткий *ө* в сартульском говоре употребляется очень часто, но не составляет, как и в литературном бурятском языке, самостоятельной фонемы. Звуки *ү* и *ө* являются более узким и более широким оттенками одной фонемы. Если в литературном языке можно легко дать предпочтение звуку *ү*, как употребляющемуся более часто, то этого нельзя сделать в таком же отношении в сартульском говоре. Вероятно, еще до недавнего времени эти оттенки составляли в языке сартулов самостоятельную фонему.

Позиционное употребление долгого *өө* несколько отличается от употребления в литературном языке. Например, повелительная форма второго лица глагола *үгэ* (дать) произносится *үгөөч* вместо литературного *үгыш* (ты отдай).

Фонемы *и* и *ии*. Они артикулируются при крайне переднем и верхнем положении языка. Краткий *и* является немного более открытым, чем долгий *ии*. Фонемы *и* и *ии* чаще всего встречаются после мягких согласных.

Аналогично кратким фонемам *а*, *э*, *о* краткий *и* в непервых слогах подвергается качественной редукции.

Дифтонги. Кроме основных четырех дифтонгов, которые встречаются в литературном бурятском языке, в сартульском говоре довольно часто употребляется дифтонг *уа*, первый элемент которого является открытым *у*, а второй элемент — заднерядным *а*. Например, *хуа*, лит. *ухаа* (каурый), *хуантаэдэж*, лит. *хун тайжа* (князь). Слова типа *угааха* (мыть) часто в сартульском говоре произносятся как *угах* в том же значении.

Дифтонги *аэ* и *оэ*, так же как и в литературном языке, часто произносятся как монофтонги *ä*: и *ö*:

Артикуляционно-акустические данные сартульских дифтонгов *аэ*, *оэ*, *уи*, *үи* аналогичны дифтонгам литературного языка (подробное опи-

сание их см. в работе «Звуковой состав бурятского языка». Улан-Удэ, 1959, стр. 142—145 и 157).

Фонетические особенности сартульского говора

1. А ф ф р и к а т ы. В сартульском говоре аффрикаты представлены четырьмя фонемами: *ц* (тс), *дз*, *ч* (тьш), *дж* (*дьж*)¹. Аффриката *ц* соответствует в литературном бурятском языке сильному щелевому *с*: лит. *саг* (время) — сарт. *цаг*, лит. *эсэхэ* (уоставать) — сарт. *эцэх*. Аффриката *дз* соответствует слабому щелевому *з*: лит. *заха* (край) — сарт. *дзаха*, лит. *ээн* (хозяин) — сарт. *эдэн*. Аффриката *ч* соответствует сильному щелевому двухфокусному *ш*: лит. *шэмэг* (украшение) — сарт. *чимэг*, лит. *шэхэн* (ухо) — сарт. *чихэн*. Аффриката *дж* соответствует слабому щелевому двухфокусному *ж*: лит. *жэл* (год) — сарт. *джил*, лит. *ажал* (работа) — сарт. *аджил*.

Наличие перечисленных выше аффрикат в сартульском говоре и закономерность их соответствий со звуками литературного бурятского языка совпадают с современным монгольским языком. Однако, если в монгольском (халхаском) языке употребление, следовательно, произнесение аффрикат почти абсолютное, то этого нельзя сказать относительно аффрикат сартульского говора бурятского языка. Здесь заметно сказывается влияние бурятского литературного языка. Слабые аффрикаты *дз* и *дж* часто представляют собой не сочетание смычной и щелевой артикуляции, а произносятся как щелевые *з* и *ж*. Причем такое произношение не обусловлено ни позиционными и ни комбинаторными условиями. Оно скорее обусловлено социальным фактором, влиянием школ, печати, литературы и т. д. Об этом говорит тот факт, что более частое произношение неаффрицированных звуков вместо аффрикат наблюдается у более молодого поколения. На данном этапе развития произнесение *дз//з* и *дж//ж* в сартульском говоре носит спорадический характер. А что касается фонем *ц* и *ч*, то они в этом отношении являются более устойчивыми, их произношение почти не подвергается влиянию литературного бурятского языка.

Перечисленные выше соответствия сартульских аффрикат и неаффрицированных звуков литературного языка являются наиболее закономерными и часто встречающимися. Кроме того, встречаются и другие соответствия. Аффриката *ч* соответствует щелевому однофокусному *с*: лит. *убсүүн* (грудь) — сарт. *убчүү*; лит. *сүлөө* (свобода) — сарт. *чүлөө*.

Не все *з* лит. бурятского языка дают в сартульском говоре аффрикату *дз*. Слово *анзаһан* (соха) казалось бы должно было, согласно общей закономерности, звучать в сартульском говоре *андзас*, но слово (соха) существует в форме *андас*, а в монгольском — *анжис*. В сартульском говоре сохранился первый перелом, когда «согласный *д еще не переходит в аффрикату *дж* и сохранился благодаря тому, что **й//й* переходит в другой гласный»², в данном случае в *а*. В халха-монгольском языке фиксируется второй перелом, «согласный *д переходит в аффрикату *дж*», но *й* сохранился³ и дал *анджис*. А в бурятском языке *й* подвергся перелому, дал *а*, а *дж* перешел в *з*.

2. Отсутствие *һ*. Фарингальный *һ* в бурятском языке является одним из самых распространенных звуков, он употребляется в на-

¹Артикуляционно-акустические данные сартульских аффрикатов см. выше.

²Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 109.

³См. там же.

чаде слогов: как в абсолютном начале, так и в середине слов. Как известно, он отсутствует во всех других известных монгольских языках и диалектах. Фонема *h* также отсутствует в говоре сартулов и цонголов.

В описываемом говоре фарингальному *h* литературного бурятского языка соответствует сильный щелевой звук *c* точно так же, как и в монгольском языке. Зафиксированы также случаи, когда у сартулов употребляется щелевой двухфокусный сильный *ш* вместо литературного бурятского *h*. Например, лит. *hуни* (ночь) — сарт. *шүнө*, монг. *шөнө*; лит. *hулжэхэ* (переходить по диагонали) — сарт. *шэлдэжэ*/|*сэлдэжэ*, монг. *шилжих*. Как видно из примеров, в этом отношении сартульский говор вполне идентичен современному монгольскому языку.

Говоря о взаимовлиянии соседних говоров в отношении звуков *h* и *c*, С. Ш. Чагдуров отмечает, что часто встречается употребление *c* вместо *h* в соседнем належащем говоре закаменских бурят, а обратного действия, т. е. употребления *h* вместо *c*, у сартулов не встречается. Однако и здесь ощущается некоторое влияние литературного языка, особенно через школьное образование. Автором данной работы зафиксировано довольно частое употребление *h* учащимися не только школ, но и вузов. Правда, учителя родного языка в школах Джидинского аймака говорят, что одним из трудных моментов в обучении правильному литературному произношению является систематическое путание *h* и *c*. Тем не менее следует заметить, что учащиеся сартулы с известными трудностями, но в конечном счете правильно усваивают произнесение *h*, и не соответствует действительности утверждение, что любая попытка носителя сакающего говора произнести *h* непременно дает звук, похожий на *x*, но не *h*.

3. О звуке *k*. Выше, в разделе «Описание согласных фонем» отмечалось, что в сартульском говоре встречается ряд слов со звуком *k*, как-то: *дэбэскэр*/|*дэбэсхэр* (подстилка), *эшкы*/|*эшгы* (войлок).

Известно, что сильная смычная фонема *k* существует в калмыцком языке, но в более широком употреблении, как-то: *кэм* (кто), *көвүүн* (сын), *салкан* (ветер) и т. д. В сартульском же говоре звук *k* встречается в ограниченных позициях. С. Ш. Чагдуров обнаружил его только после щелевого *ш*¹ в словах типа *эшкүүр* (лестница), *мүшкүхэ* (преследовать зверя), *эшкэрхэ* (свистеть) и т. д. Однако не менее часто встречается *k* и после звука *c*, например, *дэбэскэр* (матрац, подстилка), *үскүхэ* (умножать) и т. д. Причем, как было отмечено, употребление звука *k* в данных позициях не является абсолютным, оно носит не постоянный характер, периодически чередуясь с щелевым сильным *x* и слабым *g*. Такое своеобразное переплетение — безразличное употребление *k* различных фонематических группах характерно только для сартульского говора, который является промежуточным звеном между монгольским и бурятским языками, своеобразным мостом между этими родственными языками.

4. Долгота согласных. Исследователи халха-монгольского языка очень широко отмечали наличие в нем долготы согласных звуков. Это естественно, потому что произнесение некоторых согласных в определенных позициях с задержкой, с удлинением в количественном отношении довольно заметно. Бурятскому языку тоже свойственно аналогичное явление. Однако в специальной работе «Звуковой состав бурятского языка», к сожалению, этот факт не отмечен. Удлинение согласных часто происходит на стыке морфем, когда выпадает соединительная гласная. Например: *мэддэг* — вм. *мэдэдэг* (знающий), *хаддаг* — вм. *хададаг* (жнет). Наиболее заметно выявляется это явление с оттен-

¹См.: «Зап. НИИК». Вып. XI. 1951, стр. 158.

ком фонемы *д*. Правда, акад. Б. Я. Владимирцов находит долгие оттенки почти у всех халхаских согласных¹.

5. Отсутствие палатализации согласных в начале слова. В начале слова перед гласными *и*, *ии*, *а*, *о*, *у*, *үү* губные и переднеязычные согласные произносятся твердо. Например: *тымэ* (такой), *дылэхэ* (победить), *бы* (есть), *махан* (мясо), *ноднён* (прошлый год), *нүдэн* (глаз), *нуур//н'үүр* (лицо), но не *нуур* (озеро). Гласные *и* и *ии* при этом произносятся при несколько отодвинутом назад положении языка, на слух напоминающая русский *ы*. В литературном бурятском языке имеется такой оттенок только у долгого *ии*, но он употребляется только в непервых слогах и чаще всего в качестве гласного элемента аффикса родительного падежа.

Перед узкими огубленными гласными *у*, *ү*, *уу* в бурятском языке чаще всего встречается из палатализованных согласных звук *н'*. В сартульском говоре в аналогичных позициях *н* не является палатализованным в полном смысле слова, но подвергается очень легкому смягчению, а последующий гласный (или *у*, или *ү*, или *уу*) произносится также в несколько приподнятом и продвинутом вперед положении языка. Например, слово «лицо» — *нуур* произносится не так, как слово *нуур* (озеро), несмотря на то, что сартульское произнесение первого слова значительно отличается именно твердостью начального согласного от произнесения этого же слова в литературном языке, как *нюур* (*н'уур*). Твердое произношение начальных согласных в указанных выше позициях является одной из самых заметных отличительных особенностей описываемого говора. Правда, такое же явление, по свидетельству моих коллег — языковедов, наблюдается в цакающем говоре селенгинских и кяхтинских бурят.

В данном случае необходимо подчеркнуть в первую очередь, что твердое произношение губных и переднеязычных согласных в начале слова и открытое произношение последующих нейтральных гласных является в указанном говоре повсеместным, весьма устойчивым и закономерным.

6. Употребление кратких огубленных гласных *у* и *ү* в непервых слогах. В сартульском говоре имеет место заметная тенденция к употреблению кратких лабиализованных гласных высокого подъема *у* и *ү* в непервых слогах. Как известно, ни в современном бурятском литературном, ни в современном монгольском (халхаском) языках краткие *у* и *ү* не встречаются в непервых слогах.

В бурятском литературном языке, если в предыдущем слоге стоит из гласных твердого ряда *а*, *у*, *уу*, то в последующем слоге из кратких может употребляться только *а*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий *у*. Например, лит. *худаг* (колодец) — сарт. *худуг//худаг*; лит. *хуулаха* (сдирать) — сарт. *хуулух//хуулах*; лит. *алаха* (убивать) — сарт. *алух//алах*.

Если в предыдущем слоге стоит из гласных мягкого ряда *э*, *ү* (*ө*), то в последующем слоге в литературном бурятском языке может употребляться из кратких гласных только *э*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий огубленный *ү*. Например, лит. *үнэр* (запах) — сарт. *үнүр//үнэр*; лит. *нэрэхэ* (перегонять) — сарт. *нэрүх//нэрэх*.

Следует отметить при этом, что гласные *у* и *ү* в первослоговой позиции звучат несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции, потому что они согласно общей закономерности бурятского языка подвергаются в данной позиции заметной качественной редукции. Тем не

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 62.

менее огубленное произнесение гласных в указанных выше позициях не вызывает сомнения. Почти все сотрудники диалектологической экспедиции (студенты и преподаватели — носители других диалектов) фиксируют в своих записях *y* и *y* в непервых слогах (см. текстовые записи диалектологических материалов)¹. Употребление краткого *y* в таких словах, как *дзусурлухо* (лицемерить), *усулхо* (поить скот), *нагуцо* (дядя по матери), *аксухо* (обменивать), *шудурхо* (скоблить), *шунгухо* (купаться) и т. д. приводится С. Ш. Чагдуровым в его статье «Заметки о сартульском говоре»². Это подтверждается также тем, что учащиеся, носители описываемого говора, как выяснилось из бесед с учителями бурятского языка, допускают ошибки именно такого порядка, т. е. пишут часто вместо нужного по правилу *a* или *э* произносимые в разговорной речи *y* или *y*.

Причем *y* и *y* в непервослоговой позиции встречаются чаще всего во вторых слогах и, как правило, через один согласный звук после гласного первого слога. Происходит, таким образом, своего рода уподобление, которое не характерно для других диалектов бурятского языка. Такие случаи, как *дзусурлухо*, т. е. употребление краткого *y* во втором и третьем слогах — редко встречающиеся явления.

7. Особенности гармонии сартульских гласных. Описанное выше своеобразие в употреблении кратких гласных сартульского говора существенным образом отражается на системе гармонии гласных. Общая закономерность сингармонизма сохраняется, она является единой для всех монгольских языков, которая выражается в том, что в одном слове не употребляются гласные твердого и мягкого рядов, а нейтральные гласные употребляются в одном слове с гласными того и другого ряда. Как известно, сингармонизм в монгольских языках является ступенчатым, т. е. употребление любого гласного каждого последующего слога определяется характером гласного каждого предыдущего слога. Это определяется огубленностью, долготой, краткостью, дифтонговостью и т. д.

Итак, в литературном бурятском языке в любом слове если в предыдущем слоге стоят гласные *a*, *aa*, *аэ*, *y*, *yy*, *yi*, то в последующем слоге может употребляться из кратких гласных только *a*, из долгих гласных — только *aa*, *yy*, из дифтонгов — только *аэ*³. В сартульском говоре после *a* и *y* предыдущего слога может встречаться в последующем слоге, кроме краткого *a*, еще краткий *y*.

Аналогичная картина наблюдается и в словах мягкого ряда. Например, если в предыдущем слоге слова находятся гласные *э*, *ээ*, *y*, *yy*, *yi*, то в последующем слоге может употребляться из кратких гласных *э*, из долгих — *ээ*, *yy*, кроме того, может употребляться из долгих гласных звук *өө*, если в предыдущем слоге стоит или краткий *y*, или долгий *өө*. В сартульском говоре, после *э* и *y* предыдущего слога может встречаться, кроме перечисленных выше гласных, и краткий *y*.

8. Вопрос о фонемности или оттенковости краткого *ө* (или, как обычно говорят, о самостоятельности и несамостоятельности *ө*). В истории бурятского языкознания этот вопрос занимал исключительно много места. Главным образом это касается исследователей диалектов. Каждый, кто как-нибудь касался вопросов бурятской диалектологии, считал своим долгом отметить, что краткий *ө* является в рассматриваемом диалекте или самостоятельной фонемой, или оттенком одной фонемы наравне с более узким кратким *y*. В част-

¹ РО БКНИИ, инв. № 2870.

² «Зап. НИИК». Вып. XI, 1951, стр. 159.

³ Здесь не приводятся гласные *и* и *ии*, так как они имеют свою специфику, не имеющую отношения к рассматриваемому вопросу.

ности, в «Заметках о сартульском говоре» С. Ш. Чагдурова говорится, что «в области вокализма в первую очередь надо отметить, что в сартульском говоре отчетливо различаются *ө* и *у*».

Анализ, с одной стороны, явлений, связанных с употреблением гласных *ө* и *у*, а с другой — различных рассуждений о фонемном или отенковом проявлении *ө* и *у*, показывает, что почти во всех бурятских говорах поведение *ө* и *у* в основном одинаковое. Во всех исследованных, то есть ставших известными, говорах *ө* и *у* выступают как оттенки одной и той же фонемы. Почему же несмотря на то, что они носят почти равную нагрузку, фонему называют *у*, а не *ө*? Дело в том, что в хоринском диалекте, легшем в основу литературного бурятского языка, имеет место явная тенденция к более частому употреблению *у* во всех позициях. Может быть, это еще усиливается под влиянием существующих уже более двадцати лет норм и правил орфографии, которая исключает написание краткого *ө*. Однако никто не может утверждать о полном отсутствии *ө* даже в хоринском говоре. Отсутствие краткого *ө* в бурятском алфавите и соответственно в бурятской орфографии объясняется, таким образом, отнюдь не действительным его отсутствием в языке, а стремлением к унификации и упрощению норм правописания.

Что касается других говоров, в том числе и сартульского, то в них звуки *ө* и *у* носят одинаковую нагрузку. Не вызывает сомнения утверждение о том, что одни слова, как правило, произносятся с *ө*, а другие — с *у*. Однако различие между звуком *ө* и *у* не может быть использовано для смыслового различения слов во всех условиях. Дело в том, что любое произнесение в виде эксперимента (допустим *үхэхэ* — умирать *вм.* *өхөхө* — взбираться на гору, или *нүхэд* — дырки *вм.* *нөхөд* — товарищи) не влияет существенным образом на значение, вернее, на понимание значения слов и морфем, следовательно, звуки являются оттенками одной и той же фонемы.

9. Позиционное употребление сартульских согласных. Общая система позиционного употребления согласных фонем, свойственная современному бурятскому литературному языку, в основном распространяется и на систему сартульских согласных.

Вместе с тем, наличие сильной редукции гласных в исходе слов, дающей иногда даже полное их исчезновение, а также имеющаяся тенденция к палатализации исходного *л* в начальных слогах заметно отражается на позиционном употреблении согласных фонем сартульского говора. В литературном бурятском языке исключено употребление сильных согласных в исходе слов, кроме редких случаев — *с* и *ш*. В сартульском говоре сильные согласные встречаются в исходе слов очень часто. Например. лит. *ерэхэ* (приходить) — сарт. *ерэх//ерэхэ¹*; лит. *ошохо* (пойти) — сарт. *очих//очох//очихо*; лит. *арахан* (кожа) — сарт. *арас//арус//арусо*; лит. *үгыш* (отдай) — сарт. *үгөөч*. Как видно из последнего примера, все глаголы повелительного наклонения второго лица на *-ш* в сартульском говоре оформляются через аффрикату *-ч*. Причем, во многих случаях эта форма совпадает с вопросительной, например, лит. *үгөө гүш?* — сарт. *үгөөч?* (отдал ли? и отдай).

Слово *хул* (нога) в сартульском говоре всюду произносится с мягким *л'* — *хүль*. Материалы экспедиции не позволяют выявить какую-нибудь закономерность в употреблении мягкого *л'*. Согласный *л* уже

¹ Причастия будущего времени на *-ха* в сартульском говоре произносятся не всегда как в монгольском языке, т. е. без конечных гласных, во многих случаях в конце слова произносятся сильно редуцированный гласный. Здесь трудно установить какую-либо закономерность, когда сохраняется гласный, или когда исчезает.

после второго или третьего слога произносится твердо, например, нельзя говорить *худаль* вм. *худал* (ложь) или *ухэль* вм. *ухэл* (смерть) и т. д. Но зато слово *гүйхэн* (мелкий) в сартульском говоре произносится *гульхэн*. И здесь *л'* — мягкий, хотя и в середине слова. По всей вероятности, в исходе первого слога после узкого гласного *ү* согласный *л* смягчается.

10. Аспирация (придыхание). Сильные смычные согласные фонемы *п, п', т, т'* сартульского говора произносятся с придыханием: воздух подается из легких энергично, голосовые связки разомкнуты в момент размыкания преграды; для образования следующего за ним гласного голосовая щель начинает сужаться и поэтому начало следующего за согласным гласного остается глухим, что и вызывает так называемый выдох — аспирацию.

Перечисленные выше согласные произносятся иногда с придыханием и в литературном языке, но очень редко в зависимости от различных ситуаций. А в сартульском говоре так же, как и в монгольском языке, фонемы *п, п', т, т'* сопровождаются придыханием систематически. С этой особенностью фонетики сартульского говора связано то, что первослоговые гласные произносятся значительно напряженнее, чем в литературном бурятском языке. Более напряженное произнесение первослоговых гласных характерно для бурятского языка вообще. Это своеобразие звуковой системы бурятского языка отмечено почти всеми исследователями. Некоторые из них даже предлагали объединить все первослоговые гласные в одну или две фонемы.

Видимо, в сартульском говоре более напряженно произносятся не только смычные *п, п', т, т'*, но и другие согласные, соответственно и все первослоговые гласные. Четкая напряженная артикуляция звуков в начальном слоге, оказывается, влияет отрицательно на конец слова, поэтому краткие сартульские гласные в исходе слов подвергаются очень сильной редукции, вплоть до полного исчезновения.

11. Конечное оканье. При первом знакомстве с говором сартулов бросается в глаза весьма заметное оканье в исходе слов. В основном это — в какой-то степени эмфатическое оканье. Например, вместо лит. *тудаа* (попал) сартулы говорят *тудоо* в том же значении; лит. *сугтаа* (вместе) — сарт. *цугтоо* (Гарм. 58, стр. 25, 27).

Имеет место краткое оканье, которое встречается также в исходной позиции слова. Например, *нагуцо* (дядя по матери), *усулохо* (пить) и т. д. Как видно из приведенных примеров, краткое конечное *о* является редуцированным, иногда оно не произносится вообще, исчезает. Сартульское оканье существенно отличается от цонгольского и мухоршибирского оканья. В последних говорах оканье является систематическим и встречается не только в исходной, но и во всех других позициях. Например, цонг. *осо*, мух.-шиб. *оһо*, сарт. *ус//усо*, лит. *уһан* (вода); цонг. *тодох//тодохо*, мух.-шиб. *тодохо*, сарт. *тудух//тудухо//тудах*, лит. *тудаха* (попадать) и т. п. Оканье, близкое цонгольскому, зафиксировано в записях сотрудника экспедиции Ц. Е. Гармаева, произведенных в с. Дырестуй¹. Однако и здесь оно не является систематическим, лишь отдельные слова произносятся с *о*.

Как долгое — эмфатическое, так и краткое оканье в исходной позиции слов существенным образом отражается на системе сингармонизма. Здесь превалирует губная гармония гласных, т. е. так называемое губное притяжение при артикуляции гласных. Конечное *о* появляется лишь тогда, когда в предыдущем слоге стоит огубленный гласный

¹ См.: РО БКНИИ, инв. № 2870.

у или уу. Такого рода губное притяжание не свойственно литературному бурятскому и монгольскому языкам, но характерно для тюркских языков, где губной сингармонизм действует не внутри корня, а в аффиксах, т. е. «осуществляется только как уподобление вокализма аффиксов вокализму корня»¹.

12. Неустойчивый *н*. Бурятские говоры дают самые различные картины относительно сохранения или выпадения так называемого конечного неустойчивого *н*. Одни говоры сохраняют его во всех позициях, другие сохраняют частично, третьи вообще не знают его, т. е. все слова с возможным неустойчивым *н* на конце во всех позициях произносятся без этого *н*. Сартульский говор относится как раз к последним, все слова с неустойчивым *н* во всех позициях произносятся без него. Например, лит. *морин* — сарт. *мори* (лошадь), лит. *мяхан* — сарт. *маха* (мясо), лит. *хонин* — сарт. *хони//хон'о* (овца), лит. *таряан* — сарт. *таряа* (зерно) и т. д.

13. О дифтонге *уа*. В разделе описания гласных фонем указывалось, что дифтонг *уа* в сартульском говоре встречается в таких словах как *хуа* вместо лит. *ухаа* (каурый), *гуа* вместо *угаа* (мыть) и т. д. Этот дифтонг часто употребляется в халха-монгольском языке, где он выступает как самостоятельная фонема². Вероятно, он имеется также и в других бурятских диалектах. Но до сих пор исследователи бурятских говоров не отмечали его, и, видимо, он употребляется не так систематически, как в сартульском говоре. В сартульском говоре дифтонг *уа* так же, как и в монгольском языке, является самостоятельной фонемой.

14. Чередование кратких и долгих гласных. В сартульском говоре наблюдается своеобразная тенденция в произношении обычных долгих гласных первого слога кратко. Это касается лишь некоторых слов. Поэтому в данном случае приходится констатировать лишь замеченные в говоре факты. Сочетание слов *наадаашье гүйб* (даже не играл), сартулы произносят *насаач гүйб* (Гарм. 58, стр. 10) в том же значении. Местоимение *тишхэб* сартулы произносят *тэхэб* (так сделаю). Это явление переносится и на заимствованные слова, например, слово *маарли* (марля) у сартулов называется *марлин* (Гарм. 58, стр. 56).

15. Чередование *ээ//ы*. Бурятский долгий *ээ* в исходе слов часто в сартульском говоре дает *ы* — долгий: лит. *дэлхээ* (вселенная) — сарт. *дэлхы*, лит. *мэлхээ* (черепаха) — сарт. *мэлхы* (лягушка), или род. п.: лит. *хунэй* — сарт. *хүны* (человека), лит. *мориной* — сарт. *морины* (лошади) и т. д.

16. Чередование *х//г*. Если в литературном языке понятие *пахать, разрывать пополам, раскалывать* выражается словом *хахалха*, то в сартульском говоре оно оформляется *хагалха*. В данном случае наш говор совпадает с современным монгольским языком. Однако можно вполне употреблять и слово *хахалха*, как в бурятском литературном языке, ибо значение слова не изменится, разве только будет заметно лишь акцентное отклонение. Так что *г* и *х* выступают в данном случае как оттенки одной и той же фонемы.

17. Чередование *н'//н*. Иногда вместо лит. твердого *н* в исследуемом говоре произносится мягкий *н'*. Например, лит. форма *аһахань аа гү?* (от слова *аһаха* — цепляться) произносится *аһаханаа гү?* (*н* — твердый), сарт. *асахан' аа гү?* (Гарм. 58, стр. 17).

¹ Ф. Кязимов. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. «Изн. АН СССР». ОЛия. Т. XIII. Вып. 1, 1954, стр. 91.

² См.: В. М. Надеяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 127—128.

18. Чередование *с'//х'*. Сартульский глагол *х'иихэ* (делать), лит. *хэхэ*, иногда произносится как *с'иихэ* в том же значении (см. Сав. 59, стр. 78). Чаще всего вариант *сиихэ* имеет место в детском языке, но встречается и в языке взрослых.

19. Чередование *д//с* и *д//с//h*. Исследователи цонгольского и сартульского говоров отмечают всегда чередование лит. *д* с цонголо-сартульским *с*. С. Ш. Чагдуров, говоря о надежных формах, приводит следующие примеры, свойственные как сартульскому, так и цонгольскому говорам: сарт., цонг. *бурясаар* — лит. *бурядаар* (бурятom); сарт., цонг. *оросоор* — лит. *ородоор* (русским) и т. д.¹ Такое же чередование встречается в основе слова: сарт. *насаа* (Гарм. 59 стр. 10) — лит. *наа-даа* (играли); сарт. *босо* — лит. *бодо* (встать); в залоговом аффиксе *-лда// -лса*: сарт. *даэлалса* — лит. *даэлалда* (воевать). Встречается также в аффиксах мн. числа: сарт. *үгэзсы* — лит. *үбгэдэй* — род. п. мн. ч. (стариков).

По другим диалектам чередование *д//с* переносится еще на *h*, в частности в аларском и боханском. Например, лит. *бсдэ* (встать) — сарт. *бссо*, алар. *боһо*; лит. *пароходоо* (вин. п. возвратно-прит. склонения от слова *пароход*) — сарт. *парохоосоо*, бох. *парохооһоо*; лит. *нуудэй* (род. п. от слова *пуд*) — сарт. *нүүсы*, бох. *нүүһы*; лит. *бурядай* (буряты) — сарт. *буряасы*, бох. *буряаһы*.

20. Избежание сочетания двух гласных при заимствовании. Аналогично другим монгольским языкам и диалектам сартульский говор в заимствованных словах, если в них имеется сочетание двух качественно различных или даже одинаковых гласных, расходящихся на разные слоги, обязательно заменяет на долгие гласные по закону сингармонизма. Например, слово *паужин* давно уже вошло в словарный фонд говора, и даже носители его не считают это слово заимствованным. Произносят это слово как *паабжан* (Гарм. 58, стр. 14). Следовательно, сочетание гласных *ау* после *п* дало в сартульском говоре *aab*. При этом характерно, что щелевой двухфокусный *ж* сохраняется, не переходит в аффрикату. Сочетание *ио* переходит в долгий *oo*, например: лит. *радио* — разг., в том числе сарт. *раад'оо*.

21. Метатеза. Наиболее распространенное явление перестановки звуков касается слов, оканчивающихся в лит. бурятском языке на краткий гласный, независимо от того, к какой части речи они относятся. Обычно краткий гласный передвигается вперед, а согласный соответственно переходит на конец. Однако нужно отметить, что при отсутствии последующего за словом аффикса особенно в языке молодежи такая перестановка замечается все реже. Здесь сказывается, видимо, влияние бурятского литературного языка. Примеры на метатезу (сарт. ГС — лит. СГ):² сарт. *болохдоо* — лит. *болоходоо* (дат. - м. п. возвр.-прит. скл. от слова *болохо* — делаться чем-либо); сарт. *ааримда* — лит. *аармида* (в армии); сарт. *болобгуй* — лит. *болбогуй* (не произошло); сарт. *ерэхдэн* — лит. *ерэхэдэн* (к приходу его); сарт. *араггүй* — лит. *аргагүй* (невозможно).

Изредка перестановка касается согласных: сартулы род табангутов называют *табагнууд* (Буд. 58, стр. 3) — лит. *табангууд* (*агн-анг*). Сочетание в лит. языке ССГ в сартульском в определенных случаях дает СГС: лит. *хдалаха* — сарт. *хадагалха* (хранить). Иногда метатеза касается самого корня слова. Например, слово *илаха* (победить) в сарт. говоре произносится как *алиха* в том же значении. Здесь имеет место

¹ См.: С. Ш. Чагдуров. Заметки о сартульском говоре. «Зап. НИИК». Вып. XI, стр. 160.

² В условных обозначениях: С — согласный, Г — гласный.

перестановка *ила* в *али*. В бож. говоре это слово начинается со среднего согласного *й*: *йалаха*. Стало быть, чередуются *ила//али//йала*.

Имеет место также, когда меняется местами согласные, сохраняя в середине гласный, т. е. по обеим сторонам гласного: причастие прошедшего времени *эцэсэн* (уставший) в исх. падеже произносится *эцэнэсээ* (Улад. 59, стр. 22) — лит. *эсээн/нээ*. Перестановка происходит внутри говора: сарт. *эцэсэн* в исх. пад. в сартульском же дает *эцэнэсээ:сэн//нэс*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САРТУЛЬСКОГО ГОВОРА

В морфологии сартульского говора находим интересное переплетение форм бурятского и монгольского языков. Именно в этом состоит грамматическое своеобразие исследуемого говора.

Что касается области словообразования, то здесь сартульский говор не имеет особых специфических черт.

В основном смешение наблюдается в системе формообразования, особенно в системе склонения.

Склонение именных частей речи (существительных, прилагательных, числительных)

Склонение сартульских имен имеет ряд специфических черт. Эта специфика заключается, с одной стороны, в появлении то монгольских, то бурятских формантов падежей, а с другой стороны, в появлении падежных окончаний, свойственных только сартульскому говору. Наиболее характерны в этом отношении образование родительного, винительного падежей. Наименее подвержены изменениям орудный, совместный падежи. Они почти по всем диалектам бурятского и монгольского языков оформляются одинаково.

Родительный падеж. Оформление родительного падежа в сартульском говоре имеет некоторое своеобразие, отличное и от современного монгольского языка, и от современного бурятского языка.

Наиболее универсальным аффиксом родительного падежа в сартульском говоре является *-ы* (*-ны*). В современном монгольском языке аффикс родительного падежа *-ы* употребляется только после основ, которые оканчиваются на устойчивый *н*, причем только в словах твердого ряда, например, *окутан* (студент) — род. п. *окутаны*; *дуун* (песня) — род. п. *дууны* и т. п. В бурятском литературном языке вообще отсутствует такой аффикс родительного падежа.

Аффикс *-ы* в качестве показателя родительного падежа в сартульском говоре употребляется:

1) после основ, оканчивающихся на *-н* (независимо от того, в словах твердого или мягкого рядов): *мазхан* (палатка) — род. п. *мазханы*, *дазн* (война) — род. п. *дазны*, *үүлэн* (облако) — род. п. *үүлэны*, *хэлэн* (язык) — род. п. *хэлэны*. В монгольском языке в словах мягкого ряда после основ, оканчивающихся на *-н*, употребляется аффикс *-ий*: *хүн* (человек) — род. п. *хүний*, *өвгөн* (старик) — род. п. *өвгөний*.

2) После основ, оканчивающихся на твердые согласные, также независимо от твердорядности или мягкорядности слов: *гол* (река) — род. п. *голы* (в монгольском — *голын*, в бурятском — *голой*); *цэцэг* (цветок) — род. п. *цэцэгы* (в монг. — *цэцэгийн*, в бур. — *сэсэгэй*); *гэр* (юрта) — род. п. *гэры* (в монг. — *гэрийн*, в бур. — *гэрэй*); *хабар* (весна) — род. п. *хабары* (в монг. — *хаврын*, в бур. — *хабарай*); *нутагууд* (родные места) — род. п. *нутагууды* (в монг. — *нутагуудын*, в бур. — *нутагуудай*). Как видно из примеров, в современном монгольском языке, когда основа

оканчивается на твердый согласный: в словах твердого ряда родительный падеж оформляется аффиксом *-ын*, в словах мягкого ряда аффиксом *-ийн*. В бурятском литературном языке, когда основа оканчивается на твердый согласный, родительный падеж принимает аффикс *-ай* (*-эй*, *-ой*).

3) После основ, оканчивающихся на дифтонг *уи* и долгий гласный, при этом между основой и аффиксом *-ы* вставляется соединительный согласный *-н*, например, *буу* (ружье) — род. п. *бууны*, *Лумбуи* (собственное имя) — род. п. *Лумбуины* (стр. 11, Буд. 58). Когда основа оканчивается на дифтонг *уи*, не всегда в род. п. бывает *-ны*, а может употребляться аффикс *-н*: *шугуи* (чаща) — род. п. *шугуин*. В монгольском языке, если основа оканчивается на долгий гласный, прибавляется в род. п. аффикс *-ийн* с соединительным согласным *-г*, а не *-н*: *буу* (ружье) — род. п. *буугийн*, *залаа* (кисть) — род. п. *залаагийн*. В бурятском языке в аналогичных позициях род. п. оформляется аффиксами *-гай* (*-гой*, *-гэй*): *буу* — *буугай*, *залаа* — *залаагай* и т. п.

4) После основ, оканчивающихся на заднеязычно-увулярный *н*, при этом между основой и аффиксом вставляется согласный *-г*: *ан* (зверь) — род. п. *ангы*, *дэн* (светильня) — род. п. *дэнгы* (в монг. — *ангийн*, *дэнгийн*; в бур. *ангай*, *дэнгэй*).

В качестве показателя родительного падежа в сартульском говоре выступает аффикс *-шин*, когда основа оканчивается на мягкий согласный или на краткий редуцированный *и*: *сургууль* (школа) — род. п. *сургуулиин*, *Хутли* (собственное имя) — род. п. *Хутлиин* (стр. 1, Буд. 58). В данном случае сартульский говор полностью совпадает с литературным бурятским языком, а также с монгольским (*-ийн*).

Характерной особенностью сартульского говора является то, что род. п. имеет двойное оформление, когда основа оканчивается на краткий гласный, кроме *и*: *хада* (гора) — род. п. *хадын* (афф. *-ын*) и *хадны* (афф. *-ны*). В первом случае сартульский говор совпадает с монг. и бур. языками, а во втором — он отличается от этих языков.

Дательноместный падеж. Дательноместный падеж в говоре образуется путем прибавления к основе слов аффиксов *-да* (*-до*, *-дэ*, *-дө*) и *-та* (*-то*, *-тэ*, *-тө*). Стало быть, в данном случае исследуемый говор совпадает с современными монгольским и бурятским языками. Правда, и здесь наблюдается незначительная разница фонетического порядка. В монгольском языке конечные краткие гласные данных аффиксов подвергаются сильной редукции вплоть до полного исчезновения, в результате чего остаются только *-д* и *-т*: *бичиг* (письмо) — дат.-м. п. *бичигт*; *зам* (дорога) — дат.-м. п. *замд*, *самар* (орех) — дат.-м. п. *самарт*; *хүн* (человек) — дат.-м. п. *хүнд* и т. д. В бурятском же языке конечная редукция не является количественной, имеет место лишь качественная редукция, характеризующаяся ослаблением мускулов произносительных органов, поэтому конечные гласные сохраняются полностью. Что касается сартульского говора, то здесь наблюдается двойное явление: в одних случаях, когда основа оканчивается на гласный или дифтонг, аффикс дат.-м. п. употребляется без конечного гласного: *хүдөө* (степь) — дат.-м. п. *хүдөөд*, *гахаэ* (свинья) — дат.-м. п. *гахаэд*; а когда основа оканчивается на согласный, тогда аффикс дат.-м. п. употребляется с гласным, но сильно редуцированным, занимая между бурятским и монгольским языками в какой-то мере промежуточное положение.

В редких случаях у сартулов употребляется аффикс *-нда* (*-ндо*): сарт. *хотондо* (стр. 1, Гарм. 59) — лит. *хотодо* (городу), сарт. *киноондо* — лит. *кинодо*. Аналогичное явление встречается в цонгольском гово-

ре: *хананда* (стене), *киноондо* (в кино)¹. Что касается заимствованного слова *киноо*, то аффикс *-ндо* в дат.-м. п. закрепился за ним очень прочно, но слово *хото* (город), как показала проверка, может находиться в дат.-м. п. и в форме *хотондо*, и в форме *хотод*, и даже в виде *хотодо*. Так же обстоит дело и с другими словами: *хананда*, *батиинканда* и т. д.

Винительный падеж. В этом падеже переплетается монгольское, бурятское, цонгольское и, наконец, собственно сартульское.

В сартульском говоре имеет место употребление аффикса *-ы* в винительном падеже, ввиду чего некоторые имена внешне совпадают с родительным падежом, который, как указывалось выше, в основном оформляется через аффикс *-ы*. В сартульском говоре образовался аффикс винительного падежа *-ы* в результате выпадения конечного *г* (ср. монгольский аффикс вин. п. *-ыг*, где сохранился этот конечный *г*); он (аффикс *-ы*) употребляется, когда основа оканчивается на краткий гласный или согласный, кроме заднего *н*; *маха* (мясо) — вин. п. *махы* (монг. — *махыг*, бур. — *мяхые*); *хада* (гора) — вин. п. *хады* (монг. — *хадыег*, бур. — *хадые*); *баатарнууд* (богатыри) — вин. п. *баатарнууды* (монг. — *баатарнуудыг*, бур. — *баатарнуудые*); *ном* (книга) — вин. п. *номы* (монг. — *номыг*, бур. — *номые*); *хучэ* (сила) — вин. п., *хучы* (стр. 38, Улад. 59) и т. д. В этих случаях в цонгольском говоре употребляется аффикс *-ыги*: *малыги* — вин. п. от слова *мал* (скот), *ахыги* — вин. п. от слова *аха* (брат)².

Аффикс винительного падежа *-гы* употребляется в рассматриваемом говоре, когда основа слова оканчивается на долгий гласный или дифтонг: *джолоо* (поводья, вожжи) — вин. п. *джолоогы* (стр. 18, Гарм. 1959); *хүдзүү* (шея) — вин. п. *хүдзүүгы* (стр. 48, Сав. 59). В данном случае в монгольском языке употребляется аффикс *-г*, в цонгольском говоре — *-ги*, в бурятском литературном языке *-е*.

Слова, оканчивающиеся на устойчивый *н*, часто оформляются через аффикс *-ши* (долгий *ши*), например; *эдзэнши* — хозяйина (Улад. 59, стр. 33), *хүүхэнши* — девочки (Улад. 59, стр. 50, 59); наряду с формой *хүүхэнши* встречается иногда *хүүхы* (Улад. 59, стр. 61). Слова типа *хун*, *хаан* в винительном падеже оформляются, как правило, так же, как и в бурятском литературном языке: *хаан* (царь) — вин. н. *хаанши* (*хааншийэ*); *хун* (человек) — вин. п. *хунши*. В этих словах при прибавлении аффикса вин. п. конечный *н* основы смягчается не в такой степени, в какой в бурятском литературном языке, и долгий *ши* является более открытым, но он не может быть отнесен к гласному смешанного ряда *ы*. Иногда на место этого *ши* употребляется звук, несколько огубленный³. Огубление начального гласного аффикса винительного падежа не носит постоянного характера.

Надо заметить, что аффикс винительного падежа *-ы* все интенсивнее начинает заменяться бурятским литературным *-ые*. Из беседы с учителями бурятского языка выясняется, что при обучении бурятскому языку учеников-сартулов усвоение аффиксов вин. п. не встречает каких-либо затруднений.

Так же как и в других монгольских языках и диалектах, в сартульском говоре имеет широкое употребление безаффиксальный винительный падеж. Вопрос о том, в каких случаях употребляется аффиксальный вин. п. и в каких — безаффиксальный, установить невозможно, потому

¹ См.: Э. Р. Раднаев. Заметки о цонгольском говоре. «Тр. БКНИИ». Вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 130.

² См.: там же, стр. 130.

³ См.: С. Ш. Чагдуров. Заметки о сартульском говоре. «Зап. БМНИИ». Вып. XI, Улан-Удэ, 1951, стр. 160.

что в текстах встречаются имена в вин. п. и с аффиксом, и без аффикса в абсолютно одинаковых контекстах и сочетаниях.

И с х о д н ы й п а д е ж. Оформление исходного падежа в сартульском говоре в основном совпадает с монгольским языком, он образуется посредством аффикса *-аас* (*-оос*, *-ээс*, *-өөс*), тогда как в бурятском языке аффиксом исх. п. является *-һаа* (*-һоо*, *-һээ*, *-һөө*). В исследуемом говоре, когда исх. п. обозначает переход от одного предмета или явления к другому, конечный *с* аффикса *-аас* выпадает, например: *Уликчинээ дунда сургвүлида назмадахи калаасаа арбадахи калаас хүрэтэр сурааб* (стр. 69, Сав. 59) (Я учился в улекчинской средней школе с восьмого по десятый класс); *Энэ аэлаа тэрэ аэл хүрэтэр...* (от этого дома до того дома...), *учараа* — от случая (стр. 38, Улад. 59.); *эцэнэсээ* — от усталости (стр. 22, Улад. 59)¹. Между прочим, такое явление встречается и в других бурятских диалектах, в которых нередко выпадает начальный *һ* аффикса *-һаа*.

Когда основа оканчивается на долгий гласный или дифтонг, а также на неустойчивый *н*, в современном монгольском языке в исходном падеже между аффиксом и основой вставляется в основном *г* и лишь иногда *н*, а в сартульском говоре, как правило, вставляется звук *н*; *сүү* (молоко) — исх. п. *сүүнээс*; *бороо* (дождь) — исх. п. *борооноос*. Соединительный *г* обнаружен в послелогое *тээгээс*: *баруун тээгээс* (с запада) — ср. лит. *тээһээ* (Гарм. 58, стр. 19).

И м е н и т е л ь н ы й п а д е ж имен существительных, прилагательных и числительных в сартульском говоре не имеет особых синтаксических показателей. Изредка наблюдается отклонение следующего порядка, когда *а* основе слов типа *киноо* (кино), *даха* (доха), *хана* (стена), *марлин* — марля (стр. 56, Гарм. 59) прибавляется дополнительный аффикс *-н*: *киноон*, *дахан*. В им. п. *н* прибавляется не всегда, но зато в дат. -м. падеже (см. выше), как правило, прибавляется дополнительный *н*: *киноондо*, *хананда*, *хотондо*, *батиинканда*. *Н* прибавляется обычно к основе, состоящей из двух или одного слога, исключение составляют заимствованные слова *батиинкан* — ботинки (Гарм. 59, стр. 46), *карточкан дээр* — на карточке (Токт. 57, отчет).

Имена с твердыми окончаниями, т. е. оканчивающиеся на согласные, кроме неустойчивого *н*, и на долгие гласные, в имен. пад. оформляются так же, как в современном монгольском и бурятском языках. В сартульском говоре, неустойчивый *н* выпадает, краткие же гласные окончания то сохраняются, как в бурятском языке, то выпадают, как в современном монгольском языке.

Слово *хул* (нога) в сартульском говоре в именительном падеже имеет мягкое окончание и звучит как *хуль*. Кроме того, следует отметить такую тенденцию, когда слова, оканчивающиеся на согласный в других говорах, в сартульском принимают в конце краткий или редуцированный гласный, а слова, оканчивающиеся на краткий гласный, наоборот, теряют этот гласный: лит. *үдэр*—сарт. *үдэрэ* (день); лит. *нэрэ*—сарт. *нэр* (имя) и т. п.

О р у д н ы й п а д е ж. Аффиксами этого падежа являются: 1) *-аар* (*-оор*, *-ээр*, *-өөр*), если основа оканчивается на краткий гласный или на любой согласный, кроме неустойчивого *н*: *сам* (расческа) — оруд. п. *самаар*; *эхэ* (мать) — оруд. п. *эхээр*; *хубилгаан* (оборотень) — оруд. п. *хубилгаанаар*; *дзам* (путь) — оруд. п. *дзамаар*; *мори* (лошадь) — оруд. п. *мор'оор*; 2) *-гаар* (*-гоор*, *-гөөр*, *-гээр*), если основа оканчивается на неустойчивый *н* или на долгий гласный и дифтонг: *ан* (зверь) — оруд. п. *ангаар*; *дэн* (све-

¹ В последнем примере имеет место метатеза слогов: должно быть *эцэсэнээс*, а стало *эцэнэсээ* (с).

ча) — оруд. п. *дэнгээр*; *хүдөө* (степь) — оруд. п. *хүдөөгөөр*, *далаз* (море) — оруд. п. *далазгаар*.

Совместный падеж не только по своей функции, но и по форме совпадает в бурятских диалектах и современном монгольском языке. Правда, в цонгольском говоре совм. п. имеет аффикс *-ты*, и лишь иногда имена в совм. п. могут произноситься с окончанием *-таэ* (*-тоэ*, *-тээ*)¹. В сартульском говоре тоже встречается употребление аффикса *-ты* в совм. п., но это не является характерным для носителей данного говора и носит спорадический характер. Закономерным для сартульского говора аффиксом совм. п. является *-таэ* (*-тоэ*, *-тээ*, *-төө*): *аба* (отец) — совм. п. *абатаэ*; *цэрэг* (армия) — совм. п. *цэрэгтээ*; *хорхоэ* (червь) — совм. п. *хорхоэтоэ*.

О так называемом направительном падеже и падеже предела. Касаясь вопроса склонения в монгольских языках, можно говорить в какой-то мере о так называемом направительном падеже с аффиксом *-руу* (*-рүү*) и о падеже предела с аффиксом *-цаа* (*-цоо*, *-цөө*, *-цээ*). Примеры: *усаруу* (в воду), *сүүрүү* (в молоко), *тархируу* (в голову), *дзүрхэрүү* (в сердце); *үвдэгцөө* (по колену), *хоолоэцоо* (по горло) и т. д.

Эти падежи Г. Д. Санжеев называет падежами ограниченного пространства, так как они «образуются только от основ определенной группы слов, по своему лексическому значению допускающих такое образование. Подобного рода образования иногда, может быть, не без основания относятся к явлениям словообразования; во всяком случае они лежат на грани между словообразованием и словоизменением, т. е. между лексикой и грамматикой»².

Слова с аффиксом *-цаа* (*-цоо*, *-цээ*, *-цөө*) в сартульском говоре встречаются редко. Г. Д. Санжеев приводит примеры на слова, по своему значению могущие определять высоту, например: *гэрца* (высотой до юрты), *нохэца* (высотой до собаки) и т. д. Но эти слова в сартульском говоре не принимают аффикс падежа предела. В данном говоре этот аффикс может употребляться со значением определения уровня или высоты чего-либо только относительно к частям тела человека или животных. Что касается так называемого направительного падежа, то он в сартульском говоре имеет более широкое употребление. Г. Д. Санжеев пишет, что этот «падеж» употребляется от некоторых слов, в основном имеющих топографическое значение»³. Далее автор отмечает, что более широкое употребление он имеет в ордосском диалекте и приводит с аффиксом так называемого направительного падежа такие слова, как *толого* (голова), *гэр* (юрта), *чā* (чай)⁴ и др. Все эти слова в сартульском говоре тоже могут принимать аффиксы *-руу* (*-рүү*): *толгоэруу* (в голову), *гэррүү* (в юрту), *цаэруу* (в чай) и т. д.

Некоторые исследователи монгольских языков относят к категории падежных аффиксов в бурятском языке послелог *соо* < *досоо*. А. Д. Руднев называет этот «падеж» — *Inessivus-illativus* с аффиксом *-соо*⁵. Он имеет место и в сартульском говоре: *оэсоо* (в лесу), *гэрсоо* (в доме), *махансоо* (в мясе) и т. д. Как видно из примеров, гласный аффикса *-соо* не подвергается гармонии гласных. В отношении бурятского *-соо*

¹ См.: Э. Р. Раднаев. Указ. соч., стр. 130.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 175.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Пг., 1913—1914, стр. X.

Г. И. Рамstedт пишет следующее: «Бурятское «инессивное окончание» — есть результат специфически монгольского хода развития монгольского слова * *doṣa...* (ср. калм. *doṣa*); так, например, *ger-dōsa* «внутри дома», в результате фонетического развития превратилось в современное *gerṣo* «в доме». Возникший таким путем аффикс и поныне не подчиняется законам гармонии гласных. От него приняты падежные образования, например, *gerṣoḥo* «из внутренней части дома», *gerṣoḥuḡ* «через внутреннюю часть дома, по всему дому»¹.

Следует заметить, что *соо* в бурятском литературном языке употребляется значительно чаще, чем в сартульском говоре. Часто лит. *соо* в сарт. заменяется послелогом *дотор*: *гэр дотор* (в доме), но в значении *в лесу* нельзя сказать *оэ дотор*, а надо — *оэ соо*.

Рассмотренный тип склонения является простым склонением. Кроме того, в сартульском говоре, как и в литературном бурятском языке, имеют место возвратно-притяжательное и лично-притяжательное склонения. Более того, в сартульском говоре, как, впрочем, и в других монгольских языках и диалектах, имеет место двойное склонение, когда к основе присоединяются сразу аффиксы двух падежей друг за другом. Но не все падежи могут составлять друг с другом двойное склонение. В сартульском говоре встречается следующая комбинация падежей:

1) родительный + дательный: *Цэрэнжаб* (собств. имя) — род. п. *Цэрэнжабы* + дат.-м. п. *Цэрэнжабында*; *ава* (отец) — род. п. *авын* + дат.-м. п. *авында*; *эджы* (мать) — род. п. *эджын* + дат.-м. п. *эджындэ*. При двойном склонении первый аффикс (в данном случае аффикс род. п. *-ын*) выполняет несколько иную роль, чем в простом склонении. Д. Д. Амоголонов его роль относит даже к словообразовательной². Предложение *Авында байна* означает не *У отца находится, а в доме* (или на квартире) *отца находится*. Род. п. выполняет более широкую функцию, указывая на местонахождение.

2) Родительный + исходный: род. п. *авын* + исх. п. *авынаас* (из дома отца); род. п. *эджын* + исх. п. *эджынээс* (из дома матери). Значение род. п. такое же, как и в первом случае. В литературном бурятском языке при удвоении родительного и исходного падежей между ними часто ставится аффикс *-хи*: *ахын + хи + хаа* (из дома брата). Этого не наблюдается в исследуемом говоре.

3) Совместный + орудный: совм. п. *амджилтатаэ* (с успехом, успешный) + оруд. п. *амджилтатаэгаар* (успешно); совм. п. *аюултаэ* (опасный) + оруд. п. *аюултаэгаар* (опасно); совм. п. *хучитээ* (с силой, сильный) + оруд. п. *хучитээгээр* (сильно) и др. Совместно-орудный падеж, как пишет Г. Д. Санжеев, образует обстоятельство образа действия или состояния³.

4) Совместный + винительный: совм. п. *мачинатаэ* + вин. п. *мачинатаэе* (с машиной); совм. п. *аватаэ* (с отцом) + вин. п. *аватаэе* (его вместе с отцом).

5) Дательный + исходный. Как и в бурятском литературном языке, в исследуемом говоре зафиксировано только *гэртээс*: дат. п. *гэртэ* (в доме) + исх. п. *гэртээс* (из дома), ср. лит. *гэртэхээ* в том же значении.

При лично-притяжательном склонении к падежным формам прибавляется сокращенная форма личных местоимений в

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 56.

² См.: Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958, стр. 142.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 172.

родительном падеже: в 1-м лице ед. ч. — *мэнь*¹ или *-м*, мн. ч. — *мнаэ*; во 2-м лице ед. ч. — *чэнь*¹ или *-ч*, мн. ч. — *тнаэ*; в 3-м лице ед. ч. — *нь*, мн. ч. — *нь*.

В сартульском говоре притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. ч. в основном совпадают с таковыми монгольского языка, а во мн. ч., наоборот, приближаются к аффиксам бурятского литературного языка. Если слово оканчивается на согласный, то в первом лице ед. ч. или произносят *мэнь*, то есть почти как в монг. языке, или просто — *-м*, при этом после конечного согласного слова вставляется гласный, например: *идзагуур* (род, происхождение) — *идзагуурам* (Буд. 58, стр. 1), ср. лит. *изагуурни*; *цэдхэл* (чувство) — *цэдхэлэм* (Улад. 59, стр. 58), ср. лит. *сэдхэлни*. Соединительный гласный вставляется также в исходном и орудном падежах при прибавлении аффикса личного притяжания 3-го лица: *талаас* — исх. п. от слова *тала* (простор), в 3-м лице в лично-притяжательном склонении будет *талаасань* (стр. 60, Гарм. 59); *бээнэс* — исх. п. от слова *бэе* (тело), в 3-м лице лично-притяжательного склонения будет *бээнээсэнь* (Сав. 59, стр. 48), а также от слова *хойно* (сзади) — *хойноосонь* (Гарм. 59, стр. 26), от слова *өөрөө* (сам) — *өөрөөсэнь* (Гарм. 58, стр. 24).

Аффиксы возвратно-притяжательного склонения в отличие от лично-притяжательного прибавляются только к именам в косвенных падежах.

В родительном падеже при возвратном, то есть безличном притяжании, прибавляется аффикс *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*). Здесь сартульский говор совпадает с бурятским литературным языком. В современном же монгольском языке аффиксом возвратного притяжания в род. п. является *-хаа* (*-хоо*, *-хээ*, *-хөө*). Выше говорилось, что сартульские имена в род. п. в основном оканчиваются на гласные высокого подъема *-ы*, например, *цэрэгы* (армии), и когда к ним прибавляется аффикс возвратного притяжания, между двумя аффиксами восстанавливается *н*: *цэрэгынгээ*, соответственно — *шэлынгээ* (бутылки своей), *хадынгаа* (горы своей), *моринынгоо* (коня своего), *тэргынгээ* (телеги своей), а когда аффикс род. п. *-ны*, тогда соединительный *н* отсутствует: *цамцаны* — *цамцаныгаа* (рубашки своей).

В дательном-местном и орудном падежах прибавляется долгий гласный *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*), подобно халха-монгольскому и бурятскому языкам: дат.-м. п. — *баатартаа* (богатырю своему) или *баатарнуудтаа* (богатырям своим), оруд. п. — *мор'оороо* (конем своим), *хүбүүдээрээ* (ребятами своими).

В исходном падеже возвратное склонение сартульского говора совпадает полностью с монгольским возвратным склонением, также прибавляется долгий *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*), например, *шэб'аасаа* — от ученика своего (стр. 28, Гарм. 58). В бурятском же языке здесь прибавляется просто заднеязычный *н*: *шабиһаан* (от ученика своего), *гэрһээн* (из дома своего), *номһоон* (от книги своей) и т. д.

В совместном падеже сартульское возвратное склонение тоже совпадает с монгольским и бурятским, т. е. к форманту совм. п. прибавляется *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*): *эцэгтээгээ* — с отцом своим (стр. 28, Буд. 58), *цэрэгтээгээ* — с войском своим (стр. 43, Сав. 59), *абатаггаа* — с отцом своим (стр. 76, Сав. 59).

В винительном падеже сартульское возвратное склонение имеет некоторые особенности. Слова, оканчивающиеся на краткий гласный в вин. п., выглядят следующим образом: *ара* (северная сторона) — *арыгаа*

¹ В отличие от монгольского *минь*, *чинь*.

(северную свою сторону. — Стр. 38, Гарм. 59); *шэлэ* (хребет) — *шэлыгээ* (хребет свой. — Стр. 38, Гарм. 59); *хада* (гора) — *хадыгаа* (гору свою — Стр. 37, Гарм. 59). А слова, оканчивающиеся на согласный, совпадают с монг. и бур.: *ном* (книга) — *номоо* (книгу свою — Стр. 24, Сав. 59); *мал* (скот) — *малаа* (скот свой). Слово *парохоод* в вин. п. возвр. скл. звучит как *парохоосоо*, иначе говоря, конечный *д* переходит в *с*. Интересно отметить, что это слово в боханском говоре бурятского языка звучит как *парохооһоо*.

Причастия будущего времени на *-ха* при возвратно-притяжательном склонении вин. п. в бурятском литературном языке выглядят так: *ябаха* (ходить) — *ябахаяа* (для того чтобы ходить), *хэхэ* (делать) — *хэхээ* (чтобы сделать), а в сарт. говоре: *ябаха* — *ябахыгаа* (Гарм. 59, стр. 5), *хиихэ* — *хиихыгээ* (Буд. 58, стр. 13), то есть склоняется так же, как и имена, оканчивающиеся на краткий гласный.

В сартульском говоре имена существительные, прилагательные и числительные имеют одинаковые падежные аффиксы. Склонение этих имен во множественном числе тоже не имеет специфических особенностей. Поэтому выделять специальные разделы по склонению имен прилагательных и числительных нет необходимости. А что касается местоимений, то они имеют свои особенности, о чем ниже будет сказано.

Выше приводились примеры в основном на склонение имен существительных. В парадигмах будут приведены не только существительные, но и прилагательные и числительные.

Простое склонение

Им. *гэр* (дом), *түргэн* (быстрый), *дзургаан* (шесть)
род. *гэры* (дома), *түргэны* (быстрого), *дзургааны* (шести)
дат.-м. *гэртэ* (дому), *түргэндэ* (быстрому), *дзургаанда* (шести)
вин. *гэры* (дом), *түргые* (быстрого), *дзургааны* (шесть)
ор. *гэрээр* (домом), *түргээр* (быстро), *дзургаанаар* (шестью)
совм. *гэртээ* (с домом), *түргэнтээ* (с быстрым), *дзургаантаэ* (с шестью)
исх. *гэрээс* (из дому), *түргэнээс* (от быстрого), *дзургаанаас* (от шести)

Лично-притяжательное склонение

Им. *гэрэм*//*гэр мэнь* (дом мой)
род. *гэрым*//*гэры мэнь* (дома моего)
дат.-м. *гэртэм*//*гэртэ мэнь* (дому моему)
вин. *гэрым*//*гэры мэнь* (дом мой)
ор. *гэрээрэм*//*гэрээр мэнь* (домом моим)
совм. *гэртээм*//*гэртээ мэнь* (с домом моим)
исх. *гэрээсэм*//*гэрээс мэнь* (от дома моего)

Возвратное склонение

Им. *дзургаан* (шесть)
род. *дзургааныгаа* (шести своих)
дат.-м. *дзургаандаа* (к шести своим)
вин. *дзургаанаа* (шесть своих)
ор. *дзургаагаараа* (шестью своими)
совм. *дзургаантаэгаа* (с шестью своими)
исх. *дзургаанаасаа* (от шести своих)

Множественное число

Форманты множественного числа в сартульском говоре в основном совпадают с формантами множественного числа монгольского и бурятского литературных языков. К таким формантам относятся: 1) *-ууд* (-үүд): *нутагууд* — местности (стр. 19, Гарм. 58), *цэрэгүүд* — войска (стр. 62, Сав. 59), *хүнүүд* — люди (стр. 24, Буд. 58); 2) *-нууд* (-нүүд): *баатарнууд* — богатыри (стр. 44, Сав. 59), *гадзарнууд* — земли (стр. 1, Буд. 58.), *хаданууд* — сопки (стр. 56, Буд. 58), *ууланууд* — горы (стр. 57, Буд. 58); 3) *-д*: *хүбүүд* — сыновья (стр. 78, Сав. 59), *ноёд* — начальство (стр. 15, Буд. 58), *чулууд* — камни (стр. 26, Улад. 59), *нохөд* — собаки (стр. 21, Улад. 59); 4) *-нар* (-нэр, -нор): *аханар* — старшие братья (стр. 42, Буд. 58), *ламнар* — ламы (стр. 32, Буд. 58), *таэжанар* — тайжи (стр. 19, Буд. 58). Этот аффикс присоединяется к словам, обозначающим людей, их профессию, родство и т. д. В современной орфографии монгольского языка этот показатель мн. ч. пишется отдельно и только в форме *нар*.

В бурятском языке вместо *-нар* чаще стал употребляться аффикс *-над*, который, как пишет Г. Д. Санжеев, представляет собою контаминацию суффиксов *-нар* и *-д*¹. Такая тенденция не обнаружена в исследуемом говоре.

Иногда в косвенных падежах имен встречается аффикс *-с* в качестве показателя множественного числа. Например, слово *үвгөн* (старик) в родительном падеже мн. ч. встречается в форме *үвгэсы*. Здесь имеет место чередование *д/с*. Однако аффикс *-с* в им. п. в качестве показателя множественного числа в сартульском говоре в отличие от халхаского языка не употребляется, а встречается только в косвенном падеже и в интервокальном положении: *буряасы* (бурят), *хагасы* (половину), *эрдэ-нисын* (драгоценности. — Стр. 41, Улад. 59) и т. д.

Словообразовательные аффиксы *-тан* (-тон, -тэн), *-чуул* (-чүүл) образуют имена только во множественном числе, например: *улаантан* (красные), *багачуул* (дети).

Местоимение

Разряды сартульских местоимений такие же, как и бурятские. Личные: *би* (я), *чи/ши* (ты), *бэди* (мы), *та* (вы), *тэрэ* (он и тот), *тэдэ* (они и те). Указательные: *энэ* (этот), *эдэ* (эти), *тэрэ* (тот), *тэдэ* (те), *шимэ/ымэ* (такой), *тиимэ/тымэ* (такой), *эды* (столько), *тэды* (столько). Вопросительные: *хэн* (кто), *юун*, *юу* (что), *ямар* (какой), *али* (который). Обобщительные: *бүгэд*, *булта*, *хуу*, *бүхы* — (все). Выделительные: *бэшиэ*, *ондоо*, *бусад* — (другой, иной).

Изменение местоимений по падежам в сартульском говоре более близко к монгольскому склонению, чем к бурятскому. Ниже приводятся образцы склонений некоторых сартульских местоимений.

Склонение личных местоимений

Единственное число

Им. <i>би</i> (близкое к <i>бы</i> — я)	<i>чи</i> (ты)
род. <i>мэн'ии/мэны</i> (меня, мой)	<i>чэн'ий/чэны</i> (тебя, твой)
дат.-м. <i>нада/надад</i> (мне)	<i>чамада/чамад</i> (тебе)

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 132.

вин. *намы//намаэй* (мне)
ор. *надаар* (мною)
совм. *надтаэ* (со мной)
исх. *надаас* (от меня)

чамы//чамаэй (тебе)
чамаар (тобою)
чамтаэ (с тобой)
чамаас (от тебя)

Множественное число

Им. <i>бэд'и//бэдэ</i> (мы)	<i>таа</i> (вы)
род. <i>бэдны//бэд'ины</i> (нас, наши)	<i>таны//танаэ</i> (вас, ваши)
дат.-м. <i>бэдэндэ//бэд'индэ</i> (нам)	<i>танда</i> (вам)
вин. <i>бэдны//бэд'иный</i> (нас)	<i>таны//таный</i> (вас)
ор. <i>бэднээр//бэд'инээр</i> (с нами)	<i>танаар</i> (вами)
совм. <i>бэдэнтээ//бэд'интээ</i> (с нами)	<i>тантаэ</i> (с вами)
исх. <i>бэднээс//бэд'инээс</i> (от нас)	<i>танаас</i> (от вас)

Склонение указательных местоимений

Им. <i>тэрэ</i> (тот, то, та)	<i>тэдэ</i> (те)
род. <i>тэрны//тэрэны</i> (того, той)	<i>тэдны</i> (тех)
дат.-м. <i>тэрэндэ</i> (тому, той)	<i>тэдэндэ</i> (тем)
вин. <i>тэрны//тэрный</i> (тот, то, ту)	<i>тэдны//тэдный</i> (те)
ор. <i>тэрэнээр</i> (тем, той)	<i>тэднээр</i> (теми)
совм. <i>тэрэнтээ</i> (с тем, с той)	<i>тэдэнтээ</i> (с теми)
исх. <i>тэрэнээс</i> (от того, от той)	<i>тэдэнээс</i> (от тех)

Им. *энэ* (этот, это, эта)
род. *энны//энэны* (этого, этой)
дат.-м. *энэндэ* (этому, этой)
вин. *энны//энный* (этот, это, эту)
ор. *энэнээр* (этим, этой)
совм. *энэнтээ//энэнтээ* (с этим, с этой)
исх. *энэнээс//энэнээс* (от этого, от этой)

Склонение вопросительных местоимений

Им. <i>хэн</i> (кто)	<i>йүүн//йүү</i> (что)
Род. <i>хэны</i> (чей)	<i>йүүны</i> (чего)
Д.-м. <i>хэндэ</i> (кому)	<i>йүүндэ</i> (чему)
Вин. <i>хэны//хэный</i> (кто)	<i>йүү</i> (что)
Ор. <i>хэнээр</i> (кем)	<i>йүүнээр//йүүгээр</i> (чем)
Совм. <i>хэнтээ</i> (с кем)	<i>йүүтээ</i> (с чем)
Исх. <i>хэнээс</i> (от кого)	<i>йүүнээс</i> (от чего)

Склонение других местоимений приблизительно совпадает с приведенными выше парадигмами склонений.

Следует отметить, что личное местоимение 2-го лица ед. ч. *чи* (ты) в сартульском говоре иногда произносится как и в бурятском литературном языке как *ши*: *шэниингээ* (стр. 42, Гарм. 59). Личное местоимение 1-го лица мн. ч. имеет двойное звучание: *бэди* и *бэдэ* (мы).

Указательные местоимения *энэ* (этот) и *тэрэ* (тот) в косвенных падежах в монгольском языке принимают другие основы: им. п. — *энэ*, *тэрэ*, но род. п. — *үүний*, *түүний*, дат. м. п. — *үүнд*, *түүнд* и т. д. В сартульском говоре этого не замечено. Здесь он больше примыкает к литературному бурятскому языку. Характерно, что такое изменение основы указательного местоимения в монгольском языке происходит только в ед. ч., а во мн. ч. склоняется без изменения: им. п. — *эд* (эти), *тэд* (те), род. п. — *эдний*, *тэдний*, дат.-м. п. — *эдэнд*, *тэдэнд* и т. д.

Числительные

Об именах числительных в алтайских языках Г. И. Рамstedт писал следующее: «В то время как родство числительных в языках других языковых семей, например индоевропейской, легко распознается и тем самым служит явным свидетельством взаимосвязанности соответствующих языков, *алтайские языки* (курсив мой. — И. Б.) обнаруживают в числительных крайне незначительное количество общих черт, и даже в близкородственных языках они зачастую полностью отличаются друг от друга». В подтверждение этого тезиса Г. Рамstedт приводит множество весьма показательных примеров из группы тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских и других языков, где числительные резко различаются.

Что же касается некоторых совпадений типа монг., тунг. *mingan* (тысяча), тюрк., монг., тунг. *tūman* (десять тысяч) и т. д., как правильно отмечает Г. Рамstedт, они не могут «являться общим праязыковым достоянием», потому что они «слишком уж сходны друг с другом, они должны рассматриваться как языковое достояние довольно позднего происхождения, а в отдельных случаях — как заимствования»¹. Таким образом, на примере числительных не видно так называемой алтайской общности. Разумеется, совершенно иначе обстоит дело внутри монгольских языков, в них употребляются по существу одни и те же числительные. Некоторые незначительные расхождения касаются фонетических сторон. Так, например, имеет место выпадение конечного *n*, чередование *й//ж//дж*; *й//з//дз* и другие.

В сартульском говоре, как правило, отпадает конечный *n*: лит.

арбан — сарт. *арав//арва*; лит *нэгэн* — сарт. *нэг//нэгэ* и т. д. Числительное *шесть*: по-лит. *зургаан*, по-сарт. *дзургаа*, по-бох. *йоргоон*; *шестьдесят*: по-лит. *жаран*, по-сарт. *джара*, по-бох. *йорон* и т. д.

Сартульские имена числительные располагают всеми разрядами, какие имеются в бурятском литературном и современном монгольском языках: количественные, собирательные, порядковые, дробные. Все разряды образуются путем прибавления соответствующих аффиксов от количественных числительных. В монгольском языке порядковые числительные образуются наряду с *-дахь* еще при помощи старо-письменного аффикса *-дугаар*: *хойор дугаар* (второй). В сартульском же говоре этот аффикс уже не употребляется, порядковые числительные, как и в бурятском языке, образуются только при помощи *-дахи*: *хойор* (два) — *хойордохи* (второй), *гурва* (три) — *гурвадахи* (третий) и т. п.

Количественные числительные сартульского говора, как уже говорилось, такие же, как и в других монгольских языках:

1 — нэг,	8 — наэма,	15 — арван тава,
2 — хойор,	9 — йүсэ,	16 — арван дзургаа,
3 — гурав,	10 — арав,	17 — арван долоо,
4 — дүрэв,	11 — арва нэгэ,	18 — арва наэма,
5 — тава,	12 — арван хойор,	19 — арван йүсэ,
6 — дзургаа,	13 — арван гурав,	20 — хори;
7 — долоо,	14 — арван дүрэв,	
30 — гучи,		80 — найа
40 — дүчэ,		90 — йэрэ
50 — тави,		100 — дзуу
60 — джара,		1 000 — мянга
70 — дала,		и т. д.

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 64 и 67.

Если за числительным, оканчивающимся на неустойчивый *н*, следует имя с начальным согласным, кроме *н*, то конечный *н* числительного восстанавливается: *наэман гэр* (восемь юрт), *арван хүн* (десять человек).

Склонение числительных не отличается от склонения других именных частей речи.

Отдельные замечания по глаголу

1. В сартульском говоре повелительная форма 2-го лица совпадает с вопросительной формой: глагол *үгэ* «дать» в форме *үгөөч* означает (отдай! отдал ли?) Пример: 1) *Хулихым аваад үгөөч* (Вытащи серу из моих ушей), букв. «дай вытащив серу мою» (стр. 24, Сав. 59); 2) *Батад ном үгөөч?* (Отдал ли ты Бате книгу?)

Но не всегда глаголы совпадают полностью, например: 1) *Ном ханаас аваач?* — Откуда взял книгу? (стр. 24, Сав. 59); 2) *Энэ ном авч!* — Возьми эту книгу! *Үгөөч = үгьши* — отдай! (стр. 41. Улад. 59.) *Хүргөөч < хургөө гүш?* — доставил ли? (стр. 42. Улад. 59). *Хэлээч < хэлыш* — скажи! (стр. 20. Улад. 59).

Расхождение в основе типа *авч* и *аваач* объясняется, по мнению С. Ш. Чагдурова, омонимией. Здесь наличествует омонимическое отталивание, потому что глагол *абаха* (взять, брать) в повелительной форме как *аваач* совпадает с повелительной формой глагола *аваачих* (уносить). Язык, избегая такого совпадения, дает форму для первого глагола *авч*.

2. Утвердительная частица *сэн* в сартульском говоре превратилась в аффикс, который присоединяется к глаголу и образует прошедшее время с оттенком утвердительности: *гэгсэн < гээ сэн* — говорил (стр. 58, Улад. 59), *уулдзаасам < уулдзаа сэн би* — встретился я (стр. 58, Улад. 59). Этот *сэн* совпадает по звучанию с аффиксом причастия прошедшего времени, но они отличаются друг от друга тем, что аффикс причастия присоединяется к основе глагола, а другой аффикс присоединяется только к форме прошедшего времени на *-аа*, причастия на *-даг*.

Частица *-сан* (*-сэн*, *-сон*), которая является глагольной связкой, образовалась от формы причастия прошедшего времени от мертвого глагола *аху* (быть), от которого причастие будущего времени будет *асан > сан//нан*.

3. Глагол *хэ* (делать) в сартульском говоре произносится как *хиц*: *аджал хицхэ* (работать). В записях, произведенных в селе Н-Бургултай, часто встречается наряду с *хицхэ* еще форма *сицхэ*, чего нет в монгольском языке, где этот глагол звучит так же, как и в сартульском говоре, — *хицхэ*.

4. Деепричастие. Соединительное деепричастие в сартульском говоре имеет два форманта в зависимости от окончания основы. Если основа оканчивается на гласный, то соед. деепр. оформляется через аффикс — аффрикату *-дж* (или *-джа*): *мэдэдж* — зная (стр. 19, Гарм. 58), *болоджо* — делаясь (стр. 53, Сав. 59), *бэлэдхэджэ* — готова (стр. 26, Гарм. 58), *тыгэджэ* — так делая (стр. 43, Сав. 59), *сууджа* — сидя (стр. 56, Сав. 59), *хиидж* — делая (стр. 20, Гарм. 58). Если основа оканчивается на согласный, то для образования соед. дееприч. употребляется аффикс *-и*: *йэрч* — приходя (стр. 20., Гарм. 58), *гарч* — выходя (стр. 20, Гарм., 58).

Такое распределение аффиксов в сартульском говоре не является обязательным. Встречаются слова, когда глаголы с согласным окончанием принимают аффикс *-дж*, например, *бүглэрджэ* — задыхаясь (стр. 61, Сав. 59). Здесь опять-таки сказывается влияние бурятского литера-

турного языка, где соединительное деепричастие оформляется исключительно через *-жа* (*-жо*, *-жэ*), независимо от окончания основы. Двойное оформление через аффрикат *-дж* и *-ч* является характерным для современного монгольского языка.

Деепричастие предела в сартульском говоре имеет тройное оформление. Как известно, в монгольском языке это деепричастие оформляется через аффикс *-тал*, в бурятском языке — через аффикс *-тар*, в цонгольском говоре наряду с *-тар* употребляется еще аффикс *-сар*¹. Все эти три формы имеют место в сартульском говоре. Наиболее распространенным является общебурятский вариант *-тар*: *болотор* (пока становился), *очитор* (пока уходит), *явтар* (пока шел) и др. Редко встречается аффикс *-тал*: *оротол* (пока входил), *харатал* (пока видел). Здесь, вероятно, имеет место диссимилиация аффиксального *р*. Но, как показала проверка, сартулы не всегда дают *-тал*, когда в основе глагола имеется звук *р*, а могут, например, сказать и *оротор*. Аффикс *-сар* употребляется довольно часто, он почти свободно чередуется с аффиксом *-тар*: *бэзтар//бэзсар* (пока стоял), *хэбтэтэр//хэбтэсэр* (пока лежал) и т. д. В боханском говоре это деепричастие оформляется исключительно через аффикс *-сар* (*-сор*, *-сэр*, *-сөр*).

5. Глаголы прошедшего времени в изъявительном наклонении, в отличие от бурятского литературного языка, в сартульском говоре образуются при помощи суффиксов *-лаэ* (*-лоэ*, *-лээ*): *явлаэ* (пошел), *очилоэ* (сходил), *ерлээ* (пришел) и др. В литературном бурятском языке этой формы нет, в нем имеется утвердительная частица *бэлэй*, происшедшая от вспомогательного глагола *бэ* (быть)². По свидетельству Ц. Б. Будаева и Э. Р. Радиаева, глаголы с суффиксом *-лаэ* довольно часто употребляются в цонгольском говоре.

Суффикс *-лаэ* соответствует старописьменному *-luqai*, *-lugei*. В современном монгольском языке этот аффикс дал *-лаа* (*-лээ*, *-лоо*, *-лөө*) и является показателем недавнопрошедшего времени изъявит. накл. глагола³. Примеры: *итглээ* (доверил), *бослоо* (встал), *орлоо* (вошел), *чадлаа* (сумел), *өглөө* (дал) и др. В калмыцком языке эта форма представлена в виде *л*+долгий *-а*: (*-о*-, *-э*), т. е. гласный аффикса является монофтонгом, развившимся от дифтонгов *ai*, *ei*, *oi*⁴. Таким образом, более близким к старописьменному монгольскому варианту является нынешнее сартульское оформление данного аффикса.

6. О сложной глагольной основе. В сартульском говоре распространено общебурятское образование сложной глагольной основы путем соединения двух изначально самостоятельных глаголов, где первый глагол является основным, сохраняет свое значение, а второй глагол подвергается усечению, теряет свое первоначальное значение и выполняет вспомогательную роль.

В сартульском говоре имеет широкое распространение образование сложной глагольной основы путем слияния соединительного деепричастия и вспомогательного глагола *баз-* (быть); *ябадьжаэгаа* — ходил (стр. 51, 58, Улад. 59), *больджаэгаа* — происходил (стр. 14, Гарм. 59). Очень распространенным является также присоединение к основе глагола вспомогательного глагола *очи* (пойти): *уначоо* — упал (стр. 62, Сав. 59),

¹ См.: Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык. 1958, стр. 223.

² См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, П., 1913—1914, стр. ХХІХ.

³ См.: Б. Х. Годаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 107—108.

⁴ См.: Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 133.

болчоо — перестал (стр. 24, Сав. 59), *салчоо* — разошлось (стр. 9, Гарм. 59), *суучоо* — сел (стр. 2, Улад. 59). В этих случаях вспомогательные глаголы не подвергаются гармонии гласных. Но наряду с ним встречаются случаи типа *даруулашаба* — был задавлен (стр. 49, Сав. 59) *даруула* + *ошобо*, где гласный второго элемента подвергся гармонии. Характерно, что в последнем примере вспомогательный глагол имеет литературно бурятское звучание — *ошохо*.

В сартульском говоре имеет место образование сложной глагольной основы путем соединения глагола прошедшего времени на *-аа*, *-гаа* и вспомогательного глагола *боло* (становиться): *чадаабал* — если сумел (стр. 37, Улад. 59), *болгоогүйболч* — если не случилось (стр. 39. Улад. 59), *ерээбэл/ерээбол* — если пришел (стр. 59., Улад 59).

О частицах

1. Отрицательная частица *-гүй* в сартульском говоре при причастии будущего времени получает своеобразное произношение: начальный ее согласный *г* полностью оглушается и произносится с придыханием, что не характерно для слабых согласных монгольских языков; теперь после глухого придыхательного *г* употребляется сильно редуцированный *у*-образный звук, а затем произносится основной гласный элемент морфемы — долгий гласный или *оэ* или *аэ* или *ыи*, в результате всех этих изменений частица звучит примерно так: *гуаэ*, *гуоэ*, *гуй*. Примеры: *боллоггуоэ* (Улад. 59, стр. 49), *баэггуоэ* и т. п. Правда, эта частица и при самостоятельном употреблении в сартульском говоре звучит в виде *гуаэ*, например: *Гэртээ очохууч? Г'уаэ!* (Пойдешь домой? Нет!) Однако при имени и при других формах глагола, кроме причастия будущего времени, отрицательная частица *-гүй* оформляется так же, как и в современном монгольском и бурятском языках: *ябаагүй* (не пошел), *үхэргүй* (без коровы), *гүингүй* (не бегая) и т. д.

2. Старомонгольская частица запрещения или отрицания *битгий* в современном монгольском разговорном языке употребляется несколько ограничено, а в бурятском языке она вовсе отсутствует. В бытовой разговорной речи сартулов ее тоже нет, но она встречается в фольклоре сартулов. В частности, в одной старинной песне о двух братьях, которая была записана в с. В.-Ичетуй у Д. Г. Будаевой (1912 г. рождения), эта частица употреблена в форме *бэтигы*: *Гэргэны мэнъ ациухада, гэнтэ бэтигы хэлээрээ; эрхын чэнээ хүүгым эджыгээсэнь бэтигы холдуулаараэ* (Буд. 58, стр. 28). Перевод: «Когда спросит жена обо мне, не рассказывай вдруг; с палец ребенка моего не отлучай далеко от матери».

3. В сартульском говоре существительное *хун* (человек) часто употребляется в роли частицы, близкой по своему значению утвердительной частице литературного бурятского языка *һэн*, что соответствует сартульской частице *сэн*. Интересующее нас слово употребляется только в форме *хум* и чаще всего после причастия прошедшего времени: *Би (ы) Тор'оор ябаа хүм* — Я ездил по Торее (т. е. по Торейскому району); *Би тэрэндэ хэлээ хүм* — Я ему сказал. Вместо этих предложений можно сказать: *Би Тор'оор ябаа сэм*; *би тэрэндэ хэлээ сэм*. Но *хум* и *сэм* не имеют абсолютного тождества, частица *хум* употребляется, когда необходимо особо подчеркнуть говорящему собственную роль в действии, о котором говорится в предложении. Примеры: *Би Петропавловканда баэдаг хүм* (я живу в Петропавловке). Если вместо этого сказать: *Би Петропавловканда баэдаг сэм*, то значение изменится, ибо последнее означает: «Я когда-то жил в Петропавловке».

Частица *хум* употребляется, таким образом, после причастий про-

шедшего времени на *-аа*, *-гаа*, многократного на *-даг*, однократного на *-гша*.

4. Вопросительная частица *гү* в сартульском говоре нередко сливается с предшествующим глаголом. Например, вместо лит. *баэна гү?* (имеется ли? есть ли?) сартулы говорят: *баэнуу?* (стр. 52, Улад. 59), вместо *гээшэ гү?* (оно и есть?) — *гээчүү?* (стр. 41, Улад. 59), вместо *шадаха гүш?* (сумеешь ли?) — *чадахууч?* (стр. 33, 37, Улад. 59).

5. В сартульском говоре уступительная частица имеет двоякую форму, в одних случаях эта частица имеет монгольское звучание *-ч*, а в других — бурятское *-шье*: *джабарланышье* (стр. 72, Сав. 59), *холшорлонишье* (стр. 73, Сав. 59), но: *ямарч*, *үнөөч* (стр. 11, Гарм. 59). Но трудно уловить какую-либо закономерность в употреблении той или иной формы.

С. Ш. Чагдуров в своей статье о сартульском говоре утверждает наличие только монгольского варианта этой частицы¹. Однако с меньшей частотностью употребляется и бурятский вариант этой частицы *-шье*. По всей вероятности, влияние школы, печати и т. д. будет содействовать более частому употреблению именно *-шье*, поскольку монгольский субстрат этой частицы уже стал уступать во многих случаях.

6. В исследуемом говоре имеет широкое употребление утвердительная частица *-сэн*. В бурятском литературном языке *һэн* употребляется отдельно от слова и не подвергается гармонии гласных. В сартульском говоре дело обстоит иначе, данная частица произносится слитно со словом и соответственно изменяется в зависимости от состава гласных слова, например: *яваасан* (пошел), *очоосон* (ушел), *ерээсэн* (пришел).

7. Частица *йэм* (лит. *юм*) в сартульском говоре, как и в других говорах бурятского языка, имеет довольно частое употребление. В отличие от литературного бурятского языка, в сартульском говоре частица *юм* в произношении сливается с основой предшествующего слова. Если за ним не следует никакого аффикса, иногда после *м* употребляется краткий гласный: *хабчуулсыйэма* — втиспул (Улад. 59, стр. 26), лит. *хабишуулан юм*. Тем не менее в сартульском говоре после *м* гласный обычно не употребляется: *намнайэм* — выгнал (Улад. 59, стр. 21), *болоойэм* — случилось (стр. 5, Улад. 59), *суучоойэм* — сел (стр. 2, Улад. 59), *бийэм* — есть (Улад. 59, стр. 43).

Между прочим следует отметить, что после частицы *йэм*, вернее в сочетании с ней, частица *даа* произносится с мягким *д'*: *тыгээйэм аабд'ээ* (должно быть, так и сделал).

8. В сартульском говоре частица 1-го лица ед. ч. употребляется только в форме *-б*, тогда как в литературном бурятском языке в зависимости от конечного звука основы бывает и в виде *-б*, и в виде *-би*: сарт. *Би баэгааб* (Я был), *Би баэдагаб* (Я бываю), ср. лит. *Би байгааб*, *Би байдагби*.

О наречном употреблении *дзаа дзуу*. Сочетание *дзаа дзуу* в сартульском говоре употребляется часто. Оно относится к разряду наречий повторов и имеет значение «мало-помалу», «немного», «кое-что»: *Ерэсэнэсээ хозчо дзаа дзуу колхоздоо адьжил сиигээб* — После приезда я немного поработал в колхозе своем. (Сав. 59, стр. 67); *Мүнөө адьжил сиихээ болисоор тавач дьжил үнгэрэв, гэртээ хувүүдээрээ дзал дзуу гэрээ адьжил сиигээд бэгдэг хүмби* (Сав. 59, стр. 78) — Как я перестал работать, прошло пять лет, я с ребятами делаю кое-что по дому.

¹ См.: С. Ш. Чагдуров. Указ. соч., стр. 161—162.

Для бурятского литературного языка нехарактерно, когда предложение завершается причастием прошедшего времени на *-һан* (*-һон*, *-һэн*). Если это причастие является сказуемым, то обязательно при себе имеет вспомогательный глагол, именное слово или предикативную частицу, например, *Тэрэ хүн Москвагаар ябаһан байна* (или *ябаһан юм*) — Он был в Москве. Но в сартульском говоре завершение предложения причастием прошедшего времени является вполне закономерным, например: *Лундуг Джамцын 1803 ондо турьсөн*, *1814 ондо нас барсан* — Лундук Джамцуев родился в 1803 году, умер в 1814 году (Буд. 58, стр. 34); *Лубсан-эши 1673 ондо турьсөн*, *74 настаздаа үхөсөн* (Буд. 58, стр. 36) Лубсан-Эши родился в 1673 году, умер, когда ему было 74 года.

В рассматриваемом говоре имеет большое распространение завершение предложений глагольной формой на *-лаэ* (*-лоэ*, *-лээ*): *Тэр хүн гоород очлоэ* (Он уехал в город); *Тэрэч Тори явлаэ* (Он поехал в Торей) и т. д.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ

В лексике современного сартульского говора не сохранились какие-либо остатки, указывающие на прошлое народа сартов, пригнанных из Хорезмийского ханства в пределы монгольских степей во времена чингисова нашествия. Историки еще с достоверностью не установили, когда эти мастеровые-ремесленники впервые появились в Монголии. Существует предположение, что они в качестве пленников могли появиться в XIII—XIV веках.

Лексика сартульского говора в основном состоит из переплетения монгольской и бурятской лексики. Кроме того, в нем употребляется некоторое количество специфических слов, характеризующих социально-экономические условия жизни сартулов в течение последних 5-6 веков. 500-600 лет — это, видимо, достаточный срок, чтобы бесследно исчезли в языке маленькой группы, завезенной в чужую страну, субстратные явления родного языка. Здесь, надо думать, сказалось то, что в качестве пленников монголы завозили в страну только мужчин.

Лексические различия между сартульским говором и современным бурятским языком незначительны. Эти различия чаще всего сводятся к фонетическим. Например, там, где в бурятском языке имеет место фарингальный *h*, в сартульском говоре обязательно наличествует *s*, вместо целевых бывают аффрикаты, или долгому *ээ* литературного языка в сартульском иногда соответствует *ы*: лит. *дэлхээ* — сарт. *дэлхы*, лит. *мэлхээ* — сарт. *мэлхы* и т. д.

Между литературным бурятским языком и сартульским говором наблюдаются и семантические расхождения, то есть одни и те же слова употребляются с различными значениями. Например, *мэлхээ* в лит. означает *черепаха*, а в сарт. *лягушка*, которая в бурятском обозначается совсем другим словом — *баха*. Здесь сартульский говор совпадает с монгольским языком. Слово *хандза* в сартульском говоре означает *плита* — *низкая печка*, тогда как в современном монгольском и бурятском языках *ханза*/*хандза* означает *ящик*.

Редко встречается и лексические расхождения, когда один и тот же предмет (или явление) обозначается абсолютно разными словами. Например, *старшая сестра* по-бур. *эгэиэ*, по-монг. *эгч*, по-сарт. *ад'аа*.

В исследуемом говоре встречаются случаи, когда слова и их значения расходятся с литературным бурятским языком, но совпадают с говорами западных добайкальских бурят. Например, в сартульском говоре

известно слово *тура* в знач. *город*. В аларском и эхирит-булагатском говорах это слово употребляется именно в этом значении.

Поскольку многие сартульские слова совпадают как со словами современного монгольского, так и со словами современного бурятского языков, постольку мы не касаемся их в данном описании. Материалы по лексике хранятся в РО БКНИИ, и в них в общей сложности содержится около 10 тысяч слов и терминов. Надеемся, что в дальнейшем представится возможность использовать весь собранный материал по лексике сартулов для диалектологического словаря бурятского языка.

Небезынтересно отметить, что все заимствованные из русского языка слова оформляются по фонетико-грамматическим законам сартульского говора. Например, русское слово *машина* сартулы произносят в виде *мачшина*, тогда как в литературном бурятском языке это слово произносится как *машина*. О заимствованных собственных именах будет сказано ниже в разделе «Ономастика».

Материалы по ономастике

Сартульская ономастика отражает историю сартулов опять-таки только монгольского и бурятского периодов. Почти все имена сартулов тибетского и монгольского происхождения, исключая молодое поколение, которое начинает носить русские имена.

У сартулов самое широкое распространение имеют имена тибетского происхождения.

Имена мужчин: Санджи (Будда), Самбуу (хороший), Цэдэн (долголетний), Ванда (полновластный), Жамбал — тибетское имя бодисатвы Манджушири, Еши (разум), Гатаб (преодолевающий трудности), Балджи-Нима (могущественное солнце), Доржо (алмаз), Дэмбэрэл (функциональная зависимость), Цэбэг (бесконечный возраст), Дашлай (счастливое деяние), Пэрэнлэй (порождение следствия), Чагдар — имя божества (державший в руке алмаз), Содном (добродейание), Галсан (счастье), Дамба (высший), Рэнчэн (драгоценность), Ендон (наука или знание), Сэнгэ (лев), Балчин (великая воля), Лубсан (ясный разум), Ваампил (увеличение права), Ганджуур — основой буддийский канон (из 108 томов), Дагба (слава), Жамьян — имя божества Манджушири, Ябжан (высший отец), Данзан (опора религии), Балдан (могущественный), Жүгдүр (волосы на голове), Цэмбэл (развивающий хвалу), Жалсан (зонтик), Самдан (сосредоточение), Бабаасан (пятница), Ванджил (царь граждан), Ваандан (полнокровный), Гэндун — монах, член буддийской общины, Данджуур — название комментарий к Ганджуру (225 томов), Дампил (прогрессивное развитие), Шараб || Шираб (ум, разум), Чоен (пространство, наполненное религиозным учением), Норбо (талисман, исполняющий желание), Даша (счастливый), Гомбо (вера или религия), Жэгмэд (безопасный), Дугар (белая палочка — атрибут божества), Дамдин (лошадиноголовый), Сахияа || Сакьяа (религиозная секта).

Женские имена: Цэрмаа (золотая мать), Бүтэд (ведущая сына), Дулма (спасительница-мать), Ханда (спасительница-дева).

Тибетские имена Сүрэн (хранитель), Еши (разум), Доржо (алмаз), Нима (счастье), Джаб (вера), Пил — Бил (развивающий) и др. образуют сложные имена вместе с другими именами, например: Дугар-Джаб, Балджа-Нима, Цэрэмпил, Дамдин-Сүрэн, Цэдэн-Еши, Цэрэн-Доржо и т. д.

У сартулов встречается много имен санскритского происхождения: Гүр-Бадзар || Гур-Ваджар (алмазный учитель), Бадзар (алмаз), Буда (Будда), Дариима — имя богини, Радна (драгоценность), Гарма (след-

ствие), Арьяа (святой), Зана (разум), Бандзаракца (пять хранителей), Осор (распространение света).

Среди сартульских имен распространены также имена монгольского происхождения: Хубита (счастливый), Эрдэни (драгоценность), Баатар (богатырь), Мунхэ (вечный), Зула (светильник), Гэрэл (свет), Буянта (добродетельный), Тогтохо (устанавливаться, оформляться), Бата (сильный), Олзо (находка) и др.

Как уже отмечалось, нынешняя молодежь, тем более школьники, начинают все чаще носить русские имена: Иван, Андрей, Михаил, Валерий, Мария, Валентина, Эльвира, Анна и т. д.

Сартульские фамилии, как и у других бурят, образуются на базе личных имен посредством наиболее распространенных русских суффиксов *-ов*, *-ев*: Балдан + *ов* — Балданов, Бандзаракца + *ев* — Банзаракцаев и т. д.

Одной из характерных особенностей в области ономастики у сартулов является отсутствие прозвищ. Например, у носителей других бурятских говоров встречаются имена Азарга (жеребец), Гүүн (кобыла), Шоно (волк), Бааһан (кал) и т. д., которые присваивали из суеверных побуждений, пытаясь, таким образом, обмануть злую силу и уберечь своего ребенка от злой силы — смерти. Такие имена присваивались, когда у бездетных родителей, наконец, рождался ребенок, или когда у родителей умирали дети.

Материалы по топонимике

Названия населенных пунктов, местностей во многих случаях образуются от основы существительного при помощи аффикса прилагательного *-та* (*-то*, *-тэ*), обозначающего «наличие того, что выражено производящей основой»¹.

Д о р г о т о — «барсучье место» от слова *доргон* (барсук). Горная местность в б. Торейском районе между селами Алцак и В.-Торей. И н з а г а т а — «место, где обитает много козлят» от слова *инзаган* (дикий козленок). Название большого благоустроенного села-центра колхоза Джидинского района. Д э р э с т э — «место, где обильно растет трава чий блестящий» от основы *дэрс(эн)* монг. (чий блестящий). Название большого села со смешанным населением, центра совхоза «Октябрьский». Село это расположено в 8 км от ж.-д. станции Джиды на Джидинском тракте. Н а р а с т а — «место, обильное соснами, сосновое место» от слова *нарус/нарас* (сосна). Название местности в Джидинском районе. Я р г а й т а — «место, где растет кизил» от слова *яргай* (кизил). Название местности в Джидинском районе. С а р а с т у й (бур. сараста) — искаженное произношение словосочетания *шар уста* — «место, где имеется снеговая вода» от *шар ус*, которое означает «снеговая вода» (досл. «желтая вода»). Это название небольшого стана, расположенного в горной местности в б. Торейском районе в 9—10 км от с. Алцак. У л я т у й. Осведомители дали этому слову двойную этимологию. Первая — не *улята*, а *альята* от слова *алья* (резвый, игривый, своевольный). Это — название горной речки, поэтому такая этимологизация вполне допустима. Другая — от слова *улиха* (плакать), эта менее вероятна, чем первая трактовка. Ц а г а т а от *цагаан* (белый, свет). Не исключено, что это название связано с цветом какого-либо растения или еще чего-нибудь. Может быть, оно дано по цвету воды речки, которая носит это название.

¹ К. М. Черемисов. Краткий грамматический справочник по бурятскому языку. Приложение к «Бурятско-русскому словарю», М., 1951, стр. 832.

Н о м т о. Сартулы говорят не просто «Номто», а *Улаан номто* (Красно-книжные). Происхождение этого названия, возможно, связано с религиозной сектой красношапчаников, которые в Монголии чаще называются красношаниками — *улаан номтон*. Красношаники (или красношапчаники) — это очень древняя религиозная секта, и появление целого села с этим названием в Забайкалье представляет большой интерес. Сейчас там села, как такового, нет, остался небольшой полевой стан в 8—9 км от с. Алцак. И ч е т у й — название двух сел, которые расположены по реке Ичетуй. Верхний Ичетуй — *Дээдэ үчөөтэй* — центр колхоза им. Д. Банзарова, Нижний Ичетуй — *Доодо үчөөтэй* — бригада колхоза им. XX партсъезда. Некоторые полагают, что это название происходит от слова *үчөө* или *үчөөс*, лит. *ушөөхэн* (ива) и означает *местность с обильными ивами*.

С а ф ф и к с о м *-та* остаются еще два известных нам названия: это название русского села в 10 км от Петропавловки — Елотуй — *Елоото* и название горы — Мухатуй — *Мухата*. Эти названия пока не поддаются приемлемому объяснению. Правда, есть предположение, что Елотуй по-бурятски должно звучать не Елоото, а Елото, и тогда оно окажется произведенным от слова ёло (хищная птица). Что же касается названия горы Мухатуй, то предполагается, что здесь имеет место искаженное произношение слова *буха* (бык), очень распространенного у бурят названия гор, возвышенностей и т. д.

Б а я н — название русского села, расположенного на Южном берегу реки Джиды в 7 км от Петропавловки. Первоначально по-бурятски это село называлось Баян Хуса: *баян* (богатый), *хуса* (береза), то есть «место, богатое березой». Сейчас и русские, и буряты забыли первоначальное название села, все называют его просто Б а я н.

Т о р е й — название двух сел и речки, на которой стоят эти села. Села различаются друг от друга добавлением *дээдэ* (верхний) и *доодо* (нижний). Они расположены в 17 км друг от друга. Нижний Торей до конца 1960 г. являлся центром Торейского района. Это большое село со смешанным населением, преобладают русские. В народной этимологии название *Тори* связывается с глаголом *тойрохо* (кружить, делать круг), или *тойруу* (круглой, огибающий). Однако имеется предположение, что это слово эвенкийского происхождения.

Ш и в э э — бурятское название села Петропавловки, районного центра Джидинского аймака. Это большое село, приближающееся к типу рабочих поселков. *Шивээ*, лит. *шэбээ* значит «изгородь, пригон». Полное название — *Гэгээтын шэбээ* (пригон Гэгэтуя). На этом месте, то есть на месте небольшого пригона села Гэгэтуя и возникло большое современное село Петропавловка с самостоятельным названием, связанным со святыми днями Петра и Павла.

А р м а к — большое русское село, расположенное в 70 км от районного центра — села Петропавловки, и название речки, на которой расположено село. Сартулы дают этому названию двоякую этимологию: 1) *армаг гэджэ ара таладаа модо озтоэ гадзары хэлэдэг* (армаком называют место, по северной стороне которого растет лес); 2) *армаг* — сокращение слов *ара намаг*: *ара* (северная сторона), *намаг* (болотистое место). И то и другое по топографии местности подходит. Но соответствуют ли эти объяснения истине, трудно сказать.

У к ы р ч е л о н — название сел и горы. Гора называется по-бурятски *Ухэр чулуун*. Названия сел: Новый Укырчелон и Старый Укырчелон произошли от названия горы, а название горы от крупных камней, которые находятся на горе. По-бурятски и монгольски *үхэр шулуун* (*чулуун*) — «большой камень, валун». Но народная этимология пошла

дальше: говорят, что на этой горе имеется огромный камень, похожий на быка, и, мол, сама гора тоже напоминает быка.

Ц а г а н - У с у н — русское село на самой восточной окраине Джидинского района. Составные части этого названия состоят из слов *цагаан* (белый) и *усун* (вода).

Н а м а г — небольшое бурятское село в 5 км от Цагагуя. Полное его название Цагаатын намаг. *Намаг* — это «болото, низменное, болотистое место». Село находится как раз в низменном и в какой-то степени болотистом месте.

Т о х о й — русское село, расположенное на южном берегу реки Джиды в 35 км от Петропавловки (в б. Торейском районе). *Тохой* — «изгиб, излучина реки».

Е н х о р — большое русское село в восточной части Джидинского района, примерно в 50 км от Петропавловки. Енхор по-бурятски означает «углубление». Следовательно, село расположено в углубленном месте.

Н а р и н — название двух речек и двух сел, расположенных на этих речках. Большой Нарин — русское село, находящееся на западном крае района. Малый Нарин — бурятское село, находящееся в 9—10 км от Петропавловки, за Гэгэтуем. Нарин означает «узкий». Речки эти действительно маленькие, узенькие и местность также представляет в какой-то мере узкий коридор. Прибавления Большой и Малый, видимо, более позднего происхождения и относятся к названиям сел, что и соответствует действительности.

Х у ж а р — полевой стан в 10 км от с. Армак по реке Армак. *Хужар* — «солончак». Место, действительно, солончаковое.

Х о т о г о р — название местности под Алцаком, которую часто называют *Талын Хотогор*. *Хотогор* означает «изогнутый, наклонный; склон, покатость». *Хотогор газар* или иногда просто *хотогор* (лощина).

Г о р х о н — небольшое русское село, расположенное примерно в 10 км от села Н.-Торей (б. центра Торейского р-на). Деревня находится на южном берегу реки Джиды. *Горхон* по-бурятски — «ручеек».

О ё р — большое бурятское село, центр колхоза «Заветы Ильича» в 25 км от Петропавловки. *Оёр* значит «дно». Село расположено на низком месте берега реки Джиды.

Б у р г у л т а й — название речки и двух сел: *Доддо Бургалтай* (Нижний Бургултай) — центр колхоза «Улан-Бургултай» и *Дээдэ Бургалтай* (Верхний Бургултай) — бригада этого же колхоза. Название *Бургалтай* объясняется в двух вариантах: в одном говорится, что оно произошло от глагола *бургаха* (порошить — о снеге), а в другом — от слов *боро гал* (серый огонь). В том и другом случае сработала народная этимология.

З а к а м е н с к — название города в Закаменском районе. Многие считают, что это название произошло от русского — «За камнем». Но сартулы говорят, что оно связано с бурятскими словами *заха аэл* (крайнее село), или еще — *заха аймаг* (крайний аймак).

У л е г ч и н — название речки и большого бурятского села. Это название в легендах, бытующих в народе, связывают либо с *улэгшэн нохой* (сука), либо с *улэгшэн шоно* (волчица). Вероятнее всего, что виновник названия волчица, потому что жители этого места до сих пор не могут похвастаться окончательным истреблением волков.

Г у н з а н — название горы на монгольско-советской границе в районе сел Желтура и Тохой. Местные буряты этимологию этого названия выводят от слов *гунан* (трехлетний) и *заан* (слон) и сказывают, что на этой горе, мол, погиб трёхлетний слон. Но ничего подобного во

времена нахождения здесь бурят случиться не могло, потому что слоны не появлялись в этом районе. Или название этой горы происходит от слов *гунжан* (трехлетняя — о короле), или от тибетского слова *гун-зан*, которое переводится на бурятский язык как *хамаг юмье баригша* (державший или имеющий все). Действительно, это гора с очень богатой флорой и фауной.

Б о ц и й — село, расположенное на южном берегу р. Джиды в юго-восточном направлении от села Петропавловка, в 35—40 км. Боций этимологизируется как монг. *бууц*, бур. *бууса* (стоянка, стойбище).

Б у р и н-Х а н — большая гора, которая окрестными жителями считается священной. *Бурин хаан* состоит из слов *бурин* (весь; всеильный) и *хаан* (хан, царь; тот кто господствует), стало быть, *Бурин хаан* досл. означает «Всесильный царь», а если перевести по смыслу, то значит «Над всеми господствующая вершина».

Д ж и д а — название реки. Происхождение этого названия объясняется двояко. Многие историки считают, что Джида происходит от слова *жада* (копье). Ц. Жамцарано в своей работе «Очерки о происхождении и жизни монгольских родов» пишет, что слово *джида* — хамниганское (эвенкийское) слово¹, но не объясняет, что оно означает.

Э р э э н д а б а а н — название небольшой возвышенности, перевала. *Эрээн* (пестрый), *дабаан* (возвышенность, горный перевал). Название *Эрээн* (пестрый), видимо, было дано этому перевалу потому, что здесь можно видеть различную растительность, да и сам перевал ступенчат, неровен и покрыт мелкими камнями, и все это вместе взятое, должно быть, создает впечатление пестроты.

Х а д х а л д о о ч — маленькое село под горой Капитанка. Русские переименовали это село на Подхулдочи. По народной этимологии это название связывается со значением слова *хадхалдаха* (колоть, резать друг друга) и говорится, что здесь когда-то была резня.

Русские названия сел Георгиевка, Лапшиново, Зарубино, Кряжево, Мазаево, Шариново происходят от фамилий их первых поселенцев. Некоторые из этих названий среди бурят нашли иные интерпретации. Например, название села Шариново в селе Гэгэтуй объясняли тем, что там была найдена давным-давно огромная *шиирэ* (кость ноги быка), и поэтому, мол, это село стали называть Шариново. На самом же деле в этом селе проживают Шарины, которые и являются первыми его поселенцами.

Ш а р т ы к е й — русское село, которое почти является продолжением села Н.-Торей на запад. Это название этимологизируется, исходя из бурятских слов *шара* (желтый, рыжий) и *тэхэ* (козел). Стало быть, первоначально оно, это место, называлось *Шара тэхэ*, досл. «рыжий козел». Правда, в говоре нынешних бурят, жителей этих мест нет этого слова: сартулы козла называют не *тэхэ*, а *бабана*. Быть может, до прихода сартулов здесь жили другие бурятские племена, в языке которых козел назывался не *бабана*, а *тэхэ*. В связи с этим уместно привести одно высказывание В. И. Абаева относительно значения топонимических названий в языке. Он указывает, что «Топонимика имеет первостепенное значение как исторический и лингвистический источник. Но не всегда она пригодна для заключений об этногенезе в языковом субстрате. Бывает, что старое население просто вытесняется с данной территории, не оставляя никаких других следов, кроме топонимики»².

¹ См.: Ц. Жамцарано. Очерки о происхождении и жизни монгольских родов. Улан-Батор, 1934, стр. 138.

² В. И. Абаев. Заключительное слово на расширенном заседании ученого совета.—О теории субстрата. «Доклады и сообщ. ИЯ АН СССР». Вып. IX, 1956, стр. 166.